

№ 2 (27)
2014

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
М.Н. Зинятова,
канд. филос. наук, доцент;
В.В. Кулыгин,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Научные сообщения

Кулыгин В.В. Архаика индоевропейского права в былинном эпосе Русского Севера и древнеславянской космологии / 3

Уголовное право и криминология

Гармаев Ю.П. Пути повышения эффективности предупреждения, выявления и расследования коррупционных преступлений / 12

Шарипова О.В. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ (Незаконная рубка лесных насаждений) / 19

Золотарева О.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией как иная мера уголовно-правового характера / 25

Уголовный процесс

Хисматуллин И.Г. Полномочия начальника органа дознания: актуальные проблемы / 33

Криминалистика

Серебрянникова М.В. Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным со сбытом наркотических средств / 39

Степанов М.Е. Судебные экспертизы в раскрытии убийств, совершенных организованными преступными группами и скрытых инсценировками / 48

Теория и практика правоохранительной деятельности

Дерюга А.Н. Особенности применения в органах внутренних дел дисциплинарных взысканий в виде замечания и выговора, объявляемых в устной форме / 54

Трибуна молодых ученых

Тайнов С.В. Особенности хищений, совершаемых при капитальном строительстве автомобильных дорог / 60

В.Ф. Лигута,
канд. пед. наук, профессор;
Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
С.В. Сунрун,
канд. юрид. наук, доцент;
М.А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент;
Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор;
(г. Владивосток)

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии

Плата с авторов за публикацию
рукописей не взимается.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 25.06.2014.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 34.
Цена свободная.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел.: (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВПО ДВЮИ
МВД РФ, 2014

Страницы истории

Дорохов В.Ж., Милежик А.В. Власть и реформы: история реформирования полиции Российской империи (1906–1917) / **66**
Шабельникова Н.А. Исторический опыт формирования дальневосточной милиции в 1917–1922 гг. / **71**

Научная жизнь / 83

Информация для авторов / 86

УДК 340.15

АРХАИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВА В БЫЛИННОМ ЭПОСЕ РУССКОГО СЕВЕРА И ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КОСМОЛОГИИ

Владимир Владимирович Кулыгин, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор

E-mail: vlandil@mail.ru

Статья посвящена проблеме правогенеза восточнославянского этноса в предлетописный период. Генетическое родство древнерусской правовой терминологии и санскрита объясняется существованием единой космологической картины мира у предков восточных славян в период существования единой индоевропейской общности, первоначальным местом расселения которой могла быть территория современного Русского Севера. Доказывается северорусское происхождение былинного эпоса, в котором нашли отражение основные константы древнерусской правовой ментальности. Делается вывод о высоком уровне развития правовых представлений у восточных славян.

Ключевые слова: индоевропейское право; правогенез; космологическая картина мира; русский былинный эпос; божественный миропорядок; «правь»; «рита».

ARCHAIC FEATURES OF THE INDO-EUROPEAN LAW IN THE RUSSIAN EPIC OF THE RUSSIAN NORTH AND THE ANCIENT COSMOLOGY

Vladimir Vladimirovich Kulygin, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Doctor of Law, professor

The article deals with the problem of law genesis of the Eastern Slavic ethnic group in the pre-chronicle period. Genetic relationship of Old Russian legal terminology and Sanskrit is explained by a unified cosmological world view of the ancestors of East Slavs during the existence of the common Indo-European Community which original place of settlement is supposed to be the territory of the modern Russian North. North Russian origin of the Russian epic, influenced by basic constants of Old Russian legal mentality, is proved. A conclusion is made concerning the high level of the development of Eastern Slavs' notion of law.

Keywords: Indo-European law; law genesis; cosmological world view; the Russian epic; the divine world order; "prav"; "rita".

Проблема правогенеза восточнославянского этноса самым тесным образом связана с общностью древних судеб индоевропейцев и поисками индоевропейской прародины. Как считают ученые, единая праиндоевропейская языковая общность могла существовать в 6-5 тысячелетии до н. э. Относительно места первоначального расселения индоевропейцев единого мнения не существует. По этому вопросу имеется несколько точек зрения, три из которых считаются основными, если иметь в виду частоту их упоминания.

1. Первоначальным местом обитания индоевропейцев является Малая Азия и соседние территории. Отсюда в результате миграций индоевропейские племена расселились в различные районы Азии и Европы. На прежнем месте остались лишь народы

анатолийской группы (хетты, лувийцы и др.). Эту гипотезу разрабатывали советские языковеды Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов.

2. Индоевропейцы населяли большую степную территорию Заволжья и Северного Казахстана и вторглись в Европу в 5-4 тысячелетии до н. э., где встретились с местными неиндоевропейскими народами. Эта гипотеза была выдвинута американским археологом М. Гимбутас и получила известное распространение.

3. Одним из наиболее вероятных считается предположение о расселении ранних индоевропейцев в районах Центральной и частично Восточной Европы (особенно в бассейне Дуная). Эта гипотеза, опирающаяся на давнюю филологическую традицию, имеет солидные археологические и собственно лингвистические подкрепления и рассматривается многими специалистами в качестве основной [28, с. 23, 25].

В последнее десятилетие XX в. и в начале нового XXI столетия опубликовано достаточно большое количество работ, авторы которых считают, что культуры славян и ариев – индоиранцев более близки друг другу, чем культуры других индоевропейцев [7; 18, с. 100-102]. Отдельные исследователи идут еще дальше, ставя вопрос о «возможном наличии древней индославянской общности, которую отличало не только значительное языковое сходство, но и исключительная культурно-хозяйственная близость, сложившаяся в условиях очень длительного совместного обитания» [10, с. 3].

Несмотря на известный разброс мнений в определении местонахождения индоевропейской прародины, все большее влияние приобретает концепция ее поиска в северных, приполярных землях. Безусловно, идея северной индоевропейской прародины не является в настоящее время общепризнанной, но вместе с тем, по мнению ряда специалистов, можно говорить о создании и развитии доказательной теории об арктических или приполярных корнях всех индоарийских народов [18, с. 100].

Недостаток археологических и письменных свидетельств в пользу теории северной прародины индоевропейцев восполняется результатами этнолингвистических исследований, показывающих, что славянские языки и санскрит имеют наибольший процент близкородственных слов по сравнению с остальными индоевропейскими языками. Причем это в полной мере относится и к правовой терминологии. Уже на первых порах развития сравнительно-исторического языкознания возникла гипотеза о том, что сходство структур родственных языков, совпадения в лексике и грамматике можно было бы объяснить, приняв мысль о том, что все эти структуры восходят к одному общему языку-предку. Французский ученый А. Мейе, признававший архаизм славянского почти на уровне исходного индоевропейского, писал: «Два языка называются родственными, когда они оба являются результатами двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше» [14].

Известный индолог и этнограф Н.Р. Гусева, составив и проанализировав краткий свод совпадающих и сходных слов русского языка и санскрита, насчитывающий около 400 словоформ, отражающих основные бытовые, обрядовые и религиозные стороны жизни, пришла к выводу о том, что именно между славянами и арьями поддерживались наиболее тесные и длительные связи на территории Восточной Европы и ее Крайнего Севера [7, с. 32-33].

После выхода работ Н.Р. Гусевой вологодский историк С.В. Жарникова предприняла опыт расшифровки через санскрит названий водоемов Русского Севера. Составленный ею список насчитывает 177 источников, имеющих корневую основу в санскрите [11, с. 312-323].

Признание генетического родства русского языка и санскрита с очевидностью свидетельствует о глубине нашей этнической истории, корнями уходящей, по выражению С.Э. Цветкова, в непроницаемую тьму времен [30, с. 8]. Сам факт существования в этих языках одинаковых слов, одинаковых или сходных правил склонения существительных, суффиксообразования и так далее позволяет утверждать, что праславяне и

арьи одинаково думали, ибо мышление невозможно вне языка, и, следовательно, похожим образом выражали свои мысли в письменности.

Крайне важным этот вывод представляется в контексте сопоставления древнерусской и санскритской правовой терминологии. Однако если на санскрите написаны и сохранились целые библиотеки, то вопрос о древнерусской, дохристианской письменности – русской рунике, или рунице, остается до настоящего времени открытым и практически табуированным. Не вступая в полемику, заметим лишь, что официальная историография, не признающая подлинности «Велесовой книги», полностью игнорирует тот факт, что письмена на дощечках, которые, собственно, и получили название книги, имеют, во-первых, сходство графики букв влесовицы с деванагари – алфавитом санскрита, а во-вторых, содержат много санскритских слов, имен и терминов [9, с. 375-379].

Не противоречат этнолингвистическим данным результаты археологических исследований и изучения апокрифических летописных источников, которые позволили восстановить некоторые места утерянной Иоакимовской летописи. Согласно последним, Словенская Русь значительно старше Киевской Руси, а сам Новгород, то есть Новый город, основан в VIII в. на месте старой столицы – Словенска, где до призвания Рюрика династия местных князей правила на протяжении девяти поколений [9, с. 392]. Р. Багдасаров, сопоставив данные историко-археологической науки с «преданиями старины глубокой», относит основание Словенска к еще более раннему периоду, полагая, что известная из арабских источников Ас-Славия была протогосударством ильменских славян, располагавшимся между современным Великим Новгородом и Петербургом, а «подлинный Словенск, километровые валы которого покрыты лесом, остается неизученным и не нанесенным на археологическую карту и по сей день» [16, с. 13].

Значимость археологических свидетельств наличия следов определенной материальной культуры переоценить невозможно. Равным образом не следует придавать археологии исключительный статус. По остроумному замечанию одного из исследователей, «поиски индоевропейской прародины на археологическом материале сильно напоминают вопросы о том, в какой день, месяц и год началось Возрождение, или Индустриальная революция» [21, с. 41]. Очевидно, что решение проблемы заключается в комплексном анализе археологического, лингвистического, этнографического материалов. И все же мифопоэтическое творчество в этом ряду представляет собой явление особенное. Думается, прав Рене Генон, говоря, что «народ сохраняет, сам того не понимая, останки древних традиций, восходящие порою к такому отдаленному прошлому, которое мы вынуждены относить к темной области предистории» [6, с. 53]. Действительно, будучи простым и удобным каналом аккумуляции и передачи накопленного за многие тысячелетия опыта и знаний, фольклор вобрал в себя в символически-образной форме историю этногенеза и своей духовной культуры, включая первичные правовые архетипы и стандарты нормативного поведения, как дозволенного, так и запрещенного.

Большинство «профессиональных» историков, в том числе изучающих юридическую науку, по разным причинам не очень охотно используют мифопоэтические источники – саги, былины, сказания в научных исследованиях. Такой подход объясняется, скорее, не столько академической серьезностью, сколько методологической ограниченностью и отсутствием необходимой научной же подготовки. Между тем, по мнению одного из виднейших современных специалистов по древнеисландскому языку и средневековой Скандинавии Дж. Л. Байока, «старый подход, который обращал внимание лишь на литературные достоинства саг и игнорировал их историческую ценность, исчерпал себя и более не может считаться адекватным. Один тот факт, что саги обладают несомненными литературными достоинствами, не означает, что они лишены достоинств иного рода – например, не могут служить источниками информации об устройстве общества» [1, с. 66].

Сказанное в полной мере относится и к колоссальному массиву русского фольклора, от былинного героического эпоса до обрядовой календарной поэзии. Последняя, кстати, наиболее архаична, сохраняя названия языческих богов (Сварог, Макошь), мифических существ (Индрик – зверь) и остатки языческих представлений о мироустройстве. Что касается русских былин, то их происхождению и хронологии посвящена достаточно обширная библиография, насчитывающая свыше 700 сборников материалов, монографий, обзоров исследований и статей [5]. Время сложения былин в исследованиях, посвященных русскому героическому эпосу, определяется по-разному. Одни ученые считают, что это ранний жанр, сложившийся еще во времена Киевской Руси (X–XI вв.), другие – жанр поздний, возникший в Средние века, во время создания и укрепления Московского централизованного государства.

Есть, однако, и иная точка зрения, согласно которой черты культуры и общественного устройства в былинной Руси оказываются на удивление древними, слишком древними даже для Киевской Руси времен Святослава Храброго и Игоря. В частности, в сочинениях И.Я. Фроянова и Ю.И. Юдина, опубликованных в 90-х гг. XX в., заложены основы новой, совершенно оригинальной концепции, наиболее полно сформулированной в последней работе «Русский былинный эпос». Сказания новеллистического характера – «Чурила», «Дюк» и другие, которые в работах других исследователей оценивались чаще всего как позднейший пласт, рассматриваются авторами в качестве древнейшей магической основы былинной традиции. Былины героического – богатырского содержания представляют, по мнению И. Фроянова и Ю. Юдина, сравнительно поздний этап, однако и они восходят к языческой древности. В их основе обнаруживается комплекс идей, относящийся к посвятительным инициациям, через которые проходили юноши на пути к возмужанию и полноправию, а также отражение культа Змея, которому поклонялись некогда представители киевской княжеской династии [29]. Справедливости ради следует сказать, что задолго до названных авторов – еще в конце XIX в. немецкий ариософ-славянофил Эрнст Краузе утверждал, что былинные и сказочные славянские сюжеты старше, чем «Илиада» Гомера! Причем это утверждение не голословно, не декларативно, а основано на тщательном, многолетнем исследовании истоков древних европейских мифов [17, с. 151].

В русских былинах, если говорить о конкретных текстах, записанных со слов сказителей, мы неизбежно сталкиваемся еще с одной проблемой. Будучи многократно пересказаны, в том числе и людьми, не понимающими их изначальной сути, древние сказания доходят до нас в настолько деформированном виде, что возможность разглядеть в них исходный сюжет становится уже самостоятельной и важной проблемой. Но именно это обстоятельство и является, на наш взгляд, главным и решающим аргументом в пользу глубокой архаики былинного эпоса. Известно, что самые старшие былинные записи имеют всего лишь 300-летнюю давность, причем до нас дошло лишь пять собственно былинных текстов в рукописях XVII в. Открытие же подлинных богатств русского былинного эпоса падает на 60–70-е гг. XIX в., когда вышли в свет «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым» (224 номера былин), «Онежские былины», записанные в 1871 г. А.Ф. Гильфердингом (318 номеров). Это было полным откровением для фольклористов. Оба собирателя записывали былины в Олонецкой губернии, получившей в науке название «Исландии русского эпоса» [5]. Одно только лишь количество записей позволяет утверждать, что главным хранителем былинного эпоса является далекий, глухой Русский Север. Именно в этих местах, отстоящих от описываемых событий на тысячи верст и тысячу лет, были записаны сказания о деяниях русских богатырей во времена князя Владимира Красное Солнышко, сопоставляемого часто с князем – крестителем Руси Владимиром I. Но удивительно даже не это, а то, что в северорусских былинах, при внимательном их прочтении, вскрываются невероятно древние дохристианские пласты, о которых писали И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин и которые просто не могли быть плодом вымысла православных северорусских сказателей XIX в. Вспом-

ним, что как раз на Русском Севере, как было показано выше, топонимика удивительно схожа с корневой основой многих слов санскрита.

Огромный слой содержащихся в былинах сведений при внимательном прочтении складывается в цельную, непротиворечивую картину. Картину эту образуют не имена былинных героев – они изменяются со временем, не сюжетные коллизии – эти, напротив, очень мало изменяются от народа к народу и от эпохи к эпохе. Самое ценное – то, что сведения эти освещают эпоху, недоступную дошедшим до наших времен русским летописям. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что в русских былинах «зашифрованы», помимо прочего, древнейшие индоевропейские архетипы мироустройства и миропорядка, которые многие века спустя стали нормами обычного права, а затем вошли в древнейшие записанные законы.

Например, в некоторых былинных сказаниях русские богатыри после поединка обходятся с побежденным противником крайне нерационально и жестоко, с нашей точки зрения и уж тем более не по-христиански. Тело обезглавленного врага рассекается на части и разбрасывается по полю. Голова же насаживается на копье и победоносно привозится на княжеский двор или на заставу богатырскую. Иногда, впрочем, ее «просто» увозят в качестве трофея. Но еще более странными и жестокими выглядят «подвиги» тех же богатырей по отношению к женщинам, совершившим предательство или прелюбодеяние. Причем в тексте былин явно прослеживается одобрение подобных действий. Так, например, поступает Илья Муромец в отношении королевичны, обманом заманивавшей к себе женихов, обреченных на пожизненное заточение в ее темнице, символизирующей в космогонии наших предков мир Нави – потусторонний мир наваждений, царство Чернобога и Марены (Мары).

Да он выдергивает саблю вострую,
Да срубил ей по плечи буйну голову,
Да рассек, разрубил тело женское,
Да куски разметал по чисту полю.
Да серым-то волкам на съедение,
Да черным воронам на пограяние [3, с. 72].

Аналогичным образом поступает главный богатырь земли русской и с поляницей, которая пыталась убить его спящим:

Тут скочил-то Илья он на резвы ноги,
А хватил как поляницу за желты кудри,
Да спустил он поляницу на сыру земля,
Да ступил он поляницы на праву ногу,
Да он дернул поляницу за леву ногу,
А он надвое да ю поразорвал,
А й рубил он поляницу по мелким кускам [4, с. 170].

Другой богатырь Руси – Добрыня Никитич казнит таким образом сначала свою невесту Маринку Игнатьевну, которая колдовством превратила его в тура, а затем и Змея, который нарушил свое обязательство не разорять больше Святую Русь [3, с. 87, 101].

Но наиболее жестокой расчленяющей казни подвергает в былине, записанной в 1871 г. на Выгозере, богатырь Иван Годинович свою невесту Настасью, которая предает его во время боя с царцем Кощерищем:

А й хватае Настасьюшку за желту косу,
Сбивае Настасью о сыру землю,
Отсек у нее губы ведь как с носом прочь,
Копал глаза со косицами,
Отсек ей руки по локотам прочь,
Отсек ей ноги по коленам прочь.

Совершенно очевидно, что потомок поморов сказитель Алексей Батов, живший на территории Олонецкой губернии в конце XIX в., был обычным законопослушным христианином, но описанная в былине сцена не рассматривалась не им, ни его слушателями в качестве одного из тягчайших преступлений [4, с. 425]. Удивляться следует не этому, а тому, как изустные сказания из поколения в поколение смогли сохранить память о событиях, сакральное, ритуальное значение которых было утрачено, забыто за многие века до записи былин.

Начнем с того, что ритуал расчленения поверженного врага хорошо известен из летописных источников. Например, Лев Диакон, автор фундаментальной «Истории», в книге «О войне с русью» сообщает о гибели Иоанна Куркуаса, тезки и родственника императора Цимисхия, осадившего в болгарском городе Доростол (ныне Силистра) дружину князя Святослава. Русы, выйдя из крепости, атаковали осадные и метательные машины. Во время атаки им попался командовавший всей этой техникой Куркуас. Приняв его по богатству доспехов за самого императора, русы изрубили Куркуаса на куски, а голову, подняв на копье, отвезли в крепость. Там ее выставили на стене и кричали, что поступили «с владыкой ромеев, как с жертвенным животным» [19]. Заметим, что уподобление поверженного противника жертвенному животному впервые встречается еще в гимнах Ригvedы – «жертвенным животным лежит тот, кто мнил себя самым мудрым» [25].

Былинный Добрыня Никитич разрубает на части за нарушение клятвы мифического Змея, но и исторический Владимир Мономах в 1103 г. повелел казнить подобным образом половецкого хана Белдюзя: «И повель убити и, и тако раськоша и на уды» [22, с. 184-185]. Ибн Фалдан, говоря об обычаях русов, пишет, в частности, следующее: «А кто из них совершит прелюбодеяние, кто бы он ни был, то заколотят для него четыре сошника, привяжут к ним обе руки и обе ноги и рассекут топором от затылка до обоих его бедер. И таким же образом поступают и с женщиной. Потом каждый кусок его и ее вешается на дерево... И они убивают вора так же, как убивают прелюбодея» [27, с. 90]. По сути, этот вид казни, принятый у русов, был аналогичным пурушамедхи (человеческого жертвоприношения путем расчленения) в Индии. Жертвоприношение такого рода как бы символически повторяет, а магически – возобновляет творение Вселенной из тела Прасущества. Явно же ритуальный характер развешивания разрубленных частей тела преступника на дереве позволяет связать такой способ казни с архетипом Мирового древа как образа Вселенной.

Изучая проблематику источников архаичного индоевропейского права, нельзя обойтись без параллелей с представлениями наших предков и арьев времен Ригvedы о мироустройстве и божественном порядке. Верховным божеством древних славян был Сварог. По Ипатьевской летописи именно Сварог научил людей ковать оружие и установил цивилизованные морально-правовые нормы, в частности, моногамию в брачных отношениях: «Установил одному мужчине одну жену иметь и жене за одного выходить; если же кто нарушит закон – ввергнут его в печь огненную» [8, с. 67]. И именно Сварог в начале времен разделил Землю после поединка с Черным Змеем (Чернобогом) на Явь и Навь [13, с. 26-27].

Исследователь «Велесовой книги» Ю.К. Бегунов полагает, что Сварог как бог неба – Сварги научил людей следовать стезе Прави, то есть истины или законов, управляющих видимым миром – Явью [20, с. 250]. В свете сказанного важным представляется вывод, сделанный исследователями древнего славянского права В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым, которые отмечали, что «ргавь» имеет отношение к сфере упорядоченного, законоспособного, определяющего функционирование и самого мира (природный аспект), и отношений в обществе (социально-правовой аспект). Из этого следует, что «специфика славянской традиции по сравнению с другими как раз и заключается в архаичной нерасчлененности понятий права, справедливости и закона... Право, правда, справедливость, как и воплощающий их закон, имеют божественное происхождение,

исходят от Бога» [15, с. 235]. Несомненна прямая аналогия Сварога с главным богом ведийского пантеона – Варуной, поскольку помимо общеарийского корня «var» и Сварог, и Варуна первоначально выполняли одинаковые функции управления миром, поддержания мирового порядка – риты. Во многих гимнах Ригведы особенно подчеркивалось, что Адитьи Варуна и Митра являются хранителями не только вселенских, но и людских законов:

Ведь они истинные, соприкасающиеся с законом,
Творящие закон в отношении каждого человека,
Добрые поводыри, добрые дарители.

Не случайно, думается, хорошо знавший тексты Ригведы Гордон Чайлд писал, что «первые мировые религии, которые обращались ко всем людям, независимо от их расовой или национальной принадлежности, такие как буддизм и зороастризм, были созданы ариями и проповедовались на арийских землях» и далее: «Со всей определенностью можно сказать, что концепция Божественного закона, или Космического порядка, связана с ариями» [31, с. 19-20]. В послеведийский период древних Сварога – Варуну «потеснили» более молодые боги. В славянской мифологии это были Дажьдбог, Стрибог и Перун, возглавивший небесный пантеон после реформы князя Владимира. Впрочем, и здесь совпадение теонимов Перун и Варуна с одинаковой морфемой «рун» не вызывает сомнений.

Помимо этого известно, что Перун на Руси выполнял те же функции хранителя закона, что Варуна и Митра. Например, в летописи о договоре 907 г. Руси с греками указывалось, что «царь же Леон со Олександромъ мир сотвориша со Олегом имшеся по дань и роте заходивше межы собой, целовавши сами крест, а Олега водивше на роту, а мужи его по Рускому закону кляшася оружием своимъ и Перуном, богомъ своимъ» [22, с. 25]. Митра же, «пережив» Варуну, стал одним из главных действующих лиц древнеиранской «Авесты», где также выполнял функции хранителя правды, карающего лжецов и клятвопреступников. Морфема «mir», получившая широкое распространение в русском языке, производна от имени Митры* [12, с. 22]. Поэтому оборот «сотвориша мир», часто использовавшийся в древнерусских договорах, также имеет индоевропейскую правовую основу. По крайней мере, одно из сохранившихся смысловых значений этой морфемы связано с правовым архетипом справедливости: мировой суд – это суд Митры, охраняющего от беззакония.

Уникальное родство фундаментальных правовых понятий, отражающих существование общих правовых архетипов праславян и арьев в эпоху индоевропейского единства, прослеживается при сопоставлении санскритского универсального понятия «Rta» – «рита» и древнеславянского термина «рота», известного, как указывалось выше, из договора 907 г. Индийский философ С. Радхакришнан определяет это понятие следующим образом: «Рита означает буквально «ход вещей»... порядок мира... Он олицетворяет закон в целом и незыблемость справедливости» [24, с. 62]. В комментариях Ригведы указывается на то, что «Rta» представляет собой космический закон, истину, порядок, согласно которому осуществляется круговращение Вселенной, регулярно приносятся жертвы богам, в мире царит справедливость [27, с. 146]. По мнению Э. Бенвениста, «Rta» является исходным представлением правового, а также религиозного и нравственного сознания индоевропейцев, это «порядок, которому подчинены как устройство мира, движение светил, смена времен года и течение лет, так и отношения между богами и людьми и, наконец, сами человеческие отношения... Таким образом, это религиозная и нравственная основа всего общества; без этого принципа все возвратилось бы к хаосу» [2, с. 299].

Наконец, с позиции новой, формирующейся отрасли знания – семиотики права, «индоевропейские языки имеют разнообразные лексемы в значении «ритуал», восхо-

* Кстати, буквальное значение имени Митра переводится как «договор».

дящие к и.-е. корню *ar/г, который фиксируется в различных языках с общей идеей упорядоченности. Корень общий для скр. *rtá-*, ир. *arta*, лат. *ars, artus, ritus* предстает в значениях как гармоническое соответствие всех частей некоего целого. Правовой континуум явлен в виде некоторой сетевой упорядоченности, с доминирующими центрами, вокруг которых располагаются периферийные области. Идея порядка, закрепленная в древнеиндийском *rtá-*, является категорией, отделяющей неизотропное организованное пространство от хаоса». При этом «идея упорядоченности и ритуала, вопреки мнению, доминировавшему в реконструкции индоевропейских социальных терминов, все-таки связана с темой права индоевропейских народов в плане лексики. Так, договоры, которые заключались Древней Русью с Византией, назывались «договоры о мире иряде». При этом слово «ряд» относилось к правовым положениям заключенного соглашения и регулированию вопросов правового характера. Сказанное напрямую связывает ритуализацию (*ar/г), т. е. действие, воплощенное в репрезентации космологического, этического и нравственного понимания мира с правовой терминологией». [23, с. 102-111].

Шедшие примерно таким же путем логических рассуждений В.В. Иванов и В.Н. Топоров полагали, что «по совокупности значений др.-инд. *ṛta* ближе всего слав. *zakopъ*, слово, используемое и для обозначения свода юридических правил, обычаев». [15, с. 232]. Однако М.Л. Серяков последовательно и безуспешно пытается обосновать, что древнеиндийской *ṛite* ближе всего, и по смыслу и этимологически, славянский термин *рота* [26]. Учитывая индоевропейские корни этого термина, нет никакого сомнения, что это понятие существовало еще в праславянскую эпоху, и это поддерживается данными лингвистики. Так, в сербохорватском это слово звучало как «рота» и означало присягу, в словенском «*rota*» означало тоже присягу, а «*rotiti*» – заклинать. Аналогичные параллели имеются в чешском и польском языках.

Безусловно, в более поздние времена термин «рота» имел в основном процессуальное значение клятвы, присяги, приносимой во время судебного разбирательства, что хорошо прослеживается в тексте договора Руси с греками 945 г., в Псковской судной грамоте и других источниках. Вместе с тем есть основания полагать, что в эпоху праславянского единства «рота» имела более широкий смысл и была генетически связана с санскритским *rtá*.

Возвращаясь к вопросу, затронутому при обсуждении проблематики древнерусского былинного эпоса о сакральном значении рассечения человеческого тела на части, нельзя пройти мимо параллели этого «варварского» обычая с более поздним по времени использованием их (частей тела) в правовой символике. Например, рука или запястье были символами власти и авторитета (возлагалась ли она на имущество или голову вассала), а также дружбы и союза (равные обменивались рукопожатием). Отсечение же правой руки вора или клятвопреступникам было весьма распространенным, ритуальным по сути, наказанием, о чем, кстати, говорит сохранившееся в русском языке обещание давать руку на отсечение в случае неисполнения данного обязательства. Заметим здесь же, что само слово «ритуал» имеет ту же корневую основу «рита», о которой говорилось выше.

Суммируя вышеизложенное, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что правовые представления наших далеких предков были основаны на достаточно развитой и далеко не примитивной картине мира, сформировавшейся в период нахождения будущего восточнославянского этноса в составе нерасчлененной индоевропейской общности, а затем в рамках праславянского единства. Центральным архетипом этой картины была идея божественного мирового порядка, противостоящего разрушительному хаосу. Эволюционировав в процессе тысячелетнего развития, идеи борьбы Порядка и Хаоса, Добра и Зла, определяемые двоичными оппозициями типа *pravъ:nepravъ, pravъ:levъ, pravъ:krivъ, pravda:krivda*, в «зашифрованном виде» нашли отражение в древнерусском былинном эпосе задолго до появления первых летописей и письменных источников права.

Выделившись из праславянской общности, восточные славяне смогли не только сохранить предшествующий правовой опыт, но и развить его, сообразуясь с новыми историческими условиями трансформации племенных союзов в государственные образования. И происходило это не в X–XI вв., а на много столетий раньше на базе собственного языка, предположительно имевшейся письменности, развитой религии, хозяйственного уклада жизни и обусловленной всеми этими факторами правовой культуры, на огромных просторах Причерноморья, лесостепной полосы Восточно-Европейской равнины и Русского Севера как главного хранителя архаичной правовой традиции наших далеких предков.

Литература

1. Байок Дж. Л. Исландия эпохи викингов. М., 2012.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970.
3. Былины. Л., 1974.
4. Былины. Л., 1986.
5. Былины. Словари и энциклопедии на Академике. URL: dic.academic.ru
6. Генон Р. Символы священной науки. М., 1977.
7. Гусева Н.Р. Русский Север – прародина индо-славов. М., 2003.
8. Демин В.Н. Заветными тропами славянских племен. М., 2001.
9. Демин В.Н., Лазарев Е.С., Слатин Н.В. Древнее древности. М., 2004.
10. Жарникова С.В. Древние тайны Русского Севера: древность, арьи, славяне. М., 1996.
11. Жарникова С.В. Опыт расшифровки через санскрит названий водоемов Русского Севера // Гусева Н.Р. Славяне и арьи. Путь богов и слов. М., 2002.
12. Захаров Ю.А. Индийская медицина. Золотые рецепты. М., 2001.
13. Златая цепь. Мифы и легенды древних славян. М., 1998.
14. Золин П. Генеалогия языков от палеолита. Трудный путь Словена и Руса. URL: trinitas.ru>rus/doc/0211/008a/02111128.pdf
15. Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание: VIII Междунар. съезд славистов. М., 1978.
16. Карпец В.И. Русь, которая правила миром. М., 2005.
17. Краузе Э. Славянские ключи к нордическому мифу / пер. с нем. Е.С. Лазарева. М.: Вече, 2012.
18. Кутенков П.И. Ярга – свастика знак русской народной культуры. СПб., 2008.
19. Лев Диакон. История. URL: http://krotov.info/acts/10/lev_diak/skilic.htm
20. Мифы древних славян. М., 1989.
21. Мэллори Дж. П. Индоевропейские прародины // Вестник древней истории. 1997. № 1.
22. Повесть временных лет. М., 1950. Ч. 1.
23. Проскурин С.Г. Индоевропейские ритуалы и право. К вопросу о сетевом характере международного права // Критика и семиотика. Вып. 13. 2009.
24. Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1976. Т.1.
25. Ригведа. VII. 18. 8.
26. Серяков М.Л. Великий закон славян. М., 2012.
27. Серяков М.Л. Вселенский закон. Незримая ось мироздания. М., 2005.
28. Трубочев О.Н. Языкознание и этногенез славян // Вопросы языкознания. 1984. № 3.
29. Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб., 1997.
30. Цветков С.Э. Русская история: Кн. 1. М., 2003.
31. Чайлд Г. Арийцы, основатели европейской цивилизации. М., 2010.

УДК 343.352

**ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ,
ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Юрий Петрович Гармаев, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах АТР, профессор кафедры Бурятского государственного университета доктор юридических наук, профессор

E-mail: garmaeff@yandex.ru

В статье рассматриваются меры по устранению правовой неграмотности и правового нигилизма населения в вопросах противодействия коррупции. Обосновывается необходимость разработки частных методик и методических рекомендаций междисциплинарного характера по противодействию коррупции с учетом правовых позиций Европейского суда по правам человека и Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: правовой нигилизм; коррупция; провокация преступления; правомерность проведения оперативно-розыскных мероприятий.

**WAYS OF IMPROVING EFFICIENCY OF PREVENTION, DETECTION
AND INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES**

Yuriy Petrovitch Garmayev, head of the laboratory of comparative law in the Asia-Pacific Rim countries, chair professor of the Buryatskiy State University
Doctor of Law, professor

The article deals with measures of eliminating legal illiteracy and legal nihilism of the population in anti-corruption matters. The necessity of the development of private methods and methodological recommendations of inter-subject nature to counteract corruption is motivated, the legal positions of the European Court of Human Rights and the Supreme Court of the Russian Federation being taken into account.

Keywords: legal nihilism; provocation of crime; the legality of crime detection measures.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года [12] коррупция названа в числе основных источников угроз национальной безопасности. Несмотря на то, что в последние годы статистика, касающаяся результатов борьбы с коррупционными преступлениями в России, как ни странно, остается примерно на одном уровне, а по отдельным показателям даже снижается* [6], коэффициент латентности этих посягательств остается крайне высоким** [4, с. 42].

Поскольку коррупция в России «... представляется не только опасной с социальной точки зрения как фактор, подрывающий государственную власть, но и как одна из главенствующих причин, определяющих организованную, экономическую, политиче-

---

* Например, в 2010 г. зарегистрировано 7647 фактов получения взятки (ст. 290 УК РФ), а в 2013 г. – 6710.

** Так, коэффициент латентности того же получения взятки составляет 1:50.

скую преступность» [1, с. 4-5], вряд ли кто-либо усомнится в том, что меры уголовно-правовой борьбы с нею в ближайшем будущем будут только ужесточаться.

Так, анализ публицистики, результатов научных работ, опросов населения позволяет сделать вывод о том, что и общество, и государство вполне готовы к резкому ужесточению мер уголовной репрессии в отношении коррупционеров.

Авторы большинства научных публикаций по вопросам квалификации коррупционных преступлений, отмечая несовершенство соответствующих уголовно-правовых норм, включенных в гл. 30 и 23 УК РФ, критикуют законодателя довольно резко и подразумевают в основном необходимость ужесточения ответственности прежде всего за взяточничество. Высказываются мнения, суть которых – в целесообразности поэтапного введения репрессивных мер [16, с. 41-43], звучат идеи о том, что в репрессии, как преимущественном средстве борьбы с коррупцией, существует объективная необходимость [19, с. 77].

Однако на пути повышения эффективности борьбы с коррупцией уголовно-правовыми средствами имеются, на наш взгляд, три крупных блока проблем. Первый блок подробно описан в уголовно-правовой литературе, а потому позволим себе не останавливаться на нем подробно. Суть его – в упомянутых выше недостатках уголовно-правовых норм и даже в некой мягкости, «либеральности» отдельных санкций. Налицо необходимость совершенствования законодательства, и каким бы странным ни показалось такое мнение, задача эта сравнительно несложная.

Второй и третий блоки проблем заслуживают более подробного анализа.

Второй блок проблем – правовая неграмотность и правовой нигилизм населения в вопросах противодействия коррупционным преступлениям. В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Президентом РФ 4 мая 2011 г., среди целей и основных направлений данной государственной политики названы правовое просвещение и правовое информирование граждан (пп. 2 п. 14, пп. 1 п. 15). Надлежащим ли образом реализуются эти направления в части формирования антикоррупционной правовой культуры в России? Специалисты в этой области говорят больше о системных проблемах, предложениях по их преодолению, чем о каких-либо достижениях [11, с. 47-61].

На теоретико-методологическом, а также учебно-методическом уровне проблемы предупреждения коррупционных преступлений должны решаться системно, с привлечением специалистов различных уголовно-правовых наук, готовых к применению инновационных междисциплинарных подходов к исследованиям и располагающих соответствующей методологией.

Попытку использования подобных подходов предприняла группа ученых-криминалистов во взаимодействии с прокуратурой Забайкальского края и прокуратурой Республики Бурятия. В 2011-2012 гг. нами проводился специальный мониторинг [13, с. 3-5], результаты которого показали, что подавляющее большинство российских граждан, работающих в самых различных организациях, не имеют четкого представления о том, что такое коррупционные правонарушения и как их отличать от правомерных деяний; что такое коррупционные преступления, каковы признаки их совершения и, главное, как не допустить вовлечения себя в коррупционные отношения. Проведенные исследования показывают, что среди причин такого положения – не всегда удовлетворительная, а чаще *полная некомпетентность* граждан в этом вопросе.

Так, проведенные нами опросы и анкетирование показали, что свыше 80 % респондентов* – государственных служащих и служащих органов местного самоуправления в корне неверно оценивают юридические признаки уголовно наказуемых корруп-

---

* Нами была разработана анкета, по которой было опрошено и анкетировано 320 государственных служащих, служащих органов местного самоуправления Забайкальского края и Республики Бурятия.

ционных деяний. Специальная анкета предлагала ответить на некоторые, на наш взгляд, самые насущные вопросы разграничения преступных коррупционных посягательств и правомерного поведения. Результаты исследования позволили выявить, например, целый ряд типичных заблуждений, которые очень дорого могут обойтись каждому. Итак, большинство респондентов не знают о том, что:

- взятка – это не только деньги, ценные бумаги, но и иное имущество либо незаконное оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры и т.п.)^{*} [9, п. 9];

- взятка – это не только вознаграждение до предоставления «услуги» («взятка-подкуп»), но и после ее оказания («взятка-благодарность»)^{**};

- вопреки распространенному заблуждению, у взятки фактически нет минимального размера. Но не все, что передается, дарится, есть взятка;

- «обычный подарок» и «протокольный подарок»^{***} – это не взятка. Но никто из опрошенных даже примерно не знает отличия одного от другого;

- злоупотребив своими должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) или превысив их (ст. 286 УК РФ), можно получить судимость, даже если виновный не имел при этом корыстной заинтересованности;

- допустив по неосторожности преступную халатность (ст. 293 УК РФ), можно получить судимость, даже не имея умысла, прямого намерения причинить какой-либо вред, и многие другие заблуждения.

Характерно, что в числе опрошенных 320 респондентов 52 человека имели высшее юридическое образование. Однако и они в рамках анкетирования допустили более половины неправильных ответов на вышеуказанные вопросы. Неправильно на них отвечают даже действующие следователи, дознаватели, если у них нет опыта расследования коррупционных преступлений. Что уж тут говорить о лицах, не имеющих юридического образования!

Получается, что государство объявило войну с коррупцией, но мало кто из граждан понимает условия и правила ведения этой войны, а потому ответ на вопрос, кто будет ее «жертвами», не вызывает сомнений: не только, и даже не столько матерые мздоимцы и расхитители, а практически каждый может либо сознательно, либо невольно стать коррупционером.

К сожалению, законодатель в отношении антикоррупционной пропаганды не только не помогает гражданам, но и вновь принимаемыми нормативными правовыми актами порождает, на наш взгляд, еще большие сомнения, заблуждения и путаницу. Например, в связи с вступлением в действие Типового положения о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации [10] у граждан появилась новая проблема. Теперь от «обычного подарка» и от взятки следует отличать еще и *подарок в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями (для краткости – «прото-*

^{*} Здесь и далее описание типичных заблуждений, доводы в их опровержение даны исходя из анализа диспозиций ст. 290-291.1 УК РФ и других составов коррупционных преступлений, а также на основе руководящих разъяснений высшей судебной инстанции.

^{**} Здесь и далее автор в этом перечне постарался излагать текст в несколько упрощенном стиле, по возможности максимально понятном широкому кругу вероятных читателей.

^{***} Полагаем, обычный подарок – это то, что: 1) подарено в соответствии с обычаем, например, в день рождения, на 8 Марта, в профессиональные и иные праздники и т.п.; 2) является предметом, условно говоря, «договора дарения», то есть сделки без условий, что никак не подходит под признаки получения/дачи взятки.

кольные подарки»). Попробуем сжато изложить суть этого весьма сложного для восприятия документа.

Итак, лицам, замещающим государственные (муниципальные) должности, государственным (муниципальным) служащим и некоторым иным категориям физических лиц запрещено сразу обращать «протокольные подарки» в свою собственность. Они могут их получить, но в течение 3 рабочих дней на них лежит обязанность представить письменное уведомление в уполномоченное подразделение своей организации. В случае если стоимость подарка превышает 3000 руб. (или стоимость неизвестна), его необходимо сдать, однако остается возможность в дальнейшем выкупить его по установленной Положением процедуре. По смыслу (но не по тексту) названного постановления, подарок стоимостью менее 3000 руб. может быть возвращен получившему его лицу.

Однако ни законодатель, ни Верховный Суд РФ, ни иные государственные органы не дали четких разъяснений по поводу того, чем все-таки взятка отличается от «протокольного подарка». Ведь последний можно хотя бы принять, а уже затем, в течение трех рабочих дней подумать, посоветоваться и решить, что с ним делать. А состав получения взятки окончен уже в момент получения хотя бы части ее предмета [9, п.10]. То есть его даже в руки взять – уже преступление; даже о намеке, предложении по поводу его передачи необходимо незамедлительно уведомлять представителя нанимателя, органы прокуратуры и др. [14, ст. 9]. Ни о каком не то что трехдневном – минутном хранении и думать нельзя.

Это означает, что в ряде типичных жизненных ситуаций «одаряемый», то есть государственный, муниципальный служащий, равно как и «одаряющий», должны в течение нескольких мгновений после объявления о вручении какого-либо подношения безошибочно определить, а точнее, дать юридическую квалификацию нескольким вариантам своего дальнейшего поведения и выбрать единственно верный вариант. Давайте признаем, что при действующем уровне антикоррупционного законодательства и его пропаганды это не под силу порой даже квалифицированному юристу.

Изложенное лишний раз указывает на то, что для любых категорий граждан, в том числе для юристов, просто необходимо периодическое антикоррупционное просвещение. Полагаем, что в широких кругах населения, особенно в таких традиционно криминогенных (согласно данным официальной статистики) сферах, как образовательные, лечебные учреждения, органы внутренних дел, органы местного самоуправления и многие другие, где коррупционные риски велики, необходимо постоянно проводить занятия по вопросам, связанным с противодействием, прежде всего предупреждением, коррупционных преступлений.

Третий блок проблем. Здесь речь идет о практике Европейского суда по правам человека и Верховного Суда РФ как некоем, условно говоря, «препятствии» в борьбе с коррупционными преступлениями.

Как известно, Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ [15] Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (далее – Конвенция) [5]. Таким образом, наша страна взяла обязательство, кроме прочего, исполнять постановления Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд), вынесенные по делам, по которым наше государство участвовало в качестве стороны.

Правовые позиции Европейского суда неоднократно излагались по делам против России, где ее граждане привлекались к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотиков (дела Ваньяна, Худобина, Веселова и других). Очевидно, что обстоятельства проведения по таким делам проверочных закупок с признаками провокации преступлений, ставшие предметом рассмотрения Европейского суда, полностью аналогичны обстоятельствам проведения оперативного эксперимента по изобличению взя-

точничества и иных коррупционных преступлений с признаками аналогичной провокации.

Так, по делу «Худобин против России» Европейский суд обратил внимание на то, что в принципе прецедентное право Европейского суда не запрещает ссылаться – на стадии расследования уголовного дела и в случае, если позволяет характер преступного деяния, – на доказательства, полученные в результате проведения сотрудниками органов внутренних дел операции под прикрытием. Однако применение агентов под прикрытием должно быть ограничено; сотрудники полиции могут действовать тайно, но не занимаясь подстрекательством [7, п. 128].

Одним из последних и наиболее, на наш взгляд, информативных решений такого рода является дело «Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации» [8].

Так, в п. 90 этого решения Европейский суд отметил, что в делах, в которых основное доказательство получено за счет негласной операции (например, в рамках оперативного эксперимента или проверочной закупки. Отмечено нами – Ю.Г.), власти должны доказать, что они имели достаточные основания для организации негласного мероприятия. В частности, они должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что имеют место приготовления для совершения действий, составляющих преступление, за которое заявитель в дальнейшем преследуется.

Думается, что во многом под влиянием этих и других разъяснений Европейского суда Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» помимо вопроса об уголовной ответственности за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, запрещенного ст. 304 УК РФ (п. 32 Постановления), впервые в опубликованной судебной практике разъяснил судам (п. 34) сущность *подстрекательских действий* сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа [2, с. 125-132].

Как отметил Пленум в этом пункте своего постановления, указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Далее в этом же пункте Верховный Суд РФ разъясняет, что принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может рассцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Нужно дополнить, что Европейский суд в названном постановлении по делу Веселова и других фактически предлагает оперативно-розыскным и следственным подразделениям частнометодические криминалистические и оперативно-розыскные рекомендации. В следственных ситуациях, связанных с оперативными экспериментами и проверочными закупками, Европейский суд требует «проведения расследования в основном пассивным способом», предлагая четкие критерии того, что он имеет в виду под этим словосочетанием. Как указано в п. 92 решения по делу Веселова и других,

«... это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя* с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования, повышение цены по сравнению с обычной...».

К сожалению, необходимо констатировать, что оперативно-розыскные подразделения правоохранительных органов России все еще нередко допускают провокационно-подстрекательские действия по делам о незаконном сбыте наркотиков и по делам о взяточничестве. Однако тенденция последних лет такова, что российские суды, в основном правильно применяя нормы Конвенции в толковании Европейского суда, в соответствующих судебных ситуациях все чаще выносят оправдательные приговоры. Однако сохраняется и негативная тенденция применения провокационно-подстрекательских подходов в деятельности оперативных сотрудников органов – субъектов ОРД при молчаливой поддержке либо попустительстве со стороны других органов уголовного преследования (органы предварительного следствия, органы прокуратуры).

Анализ указанных взаимосвязанных между собой разъяснений Верховного Суда РФ, Европейского суда и изучение тенденций правоприменительной практики позволяет сделать некоторые, не лишённые внешней противоречивости, обобщения.

Безусловно, оперативные подразделения не вправе допускать не только провокаций (ст. 304 УК РФ), но и описанных выше подстрекательских действий. Причем запрет распространяется не только в отношении взяткополучателей, взяткодателей, но и в отношении предполагаемых посредников во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), поскольку последние изобличаются в рамках оперативных экспериментов, аналогичных тем, что проводят в отношении субъектов преступлений, предусмотренных ст. 204, 290 и 291 УК РФ.

Не только в актах судебного толкования, а прежде всего на уровне законодательства об оперативно-розыскной деятельности необходимо сформулировать нормы, раскрывающие критерии разграничения трех видов деятельности: правомерного проведения оперативного эксперимента (а также проверочной закупки), провокации преступлений и описанных подстрекательских действий. По мнению некоторых авторов, вопрос о правомерности проведения оперативно-розыскных мероприятий в ходе выявления преступлений (равно как и об их противоправности) необходимо урегулировать прежде всего в УК РФ [18, с. 80-81].

Однако необходимо признать, что в настоящий момент приведенные разъяснения Верховного Суда РФ, Европейского суда, не являясь нормами национального права, но имея серьезное превентивное воздействие на правоприменителя, уже определенным образом осложнили практику борьбы с коррупционными преступлениями и могут повлиять на и без того не высокую ее эффективность. Как с явным сожалением отмечает А.Н. Халиков, при нынешнем уровне коррумпированности в России, с учетом «профессионализма» взяткополучателей, согласованности во многих случаях интересов взяткополучателей и взяткодателей, ожидание заявлений со стороны лиц, дающих взятки, – это утопия. Выход из положения автор видит в том, чтобы предварительно проводить ОРМ «оперативное внедрение», когда под видом потенциального взяткодателя выступает оперативный работник, с участием которого и проводится последующий оперативный эксперимент по контролируемому вручению вымогаемой взятки и задержанию взяткополучателя с поличным [17, с. 15-18].

Но, тем не менее, правоохранительные органы обязаны всеми законными средствами, причем в кратчайшие сроки, резко повысить эффективность уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией. «Обозначенная проблема должна решаться комплексно, путем синтеза достижений многих отраслей научных знаний» [1, с. 4-5].

---

* Под заявителем в данном контексте понимается гражданин Веселов и другие лица, обратившиеся в Европейский суд.

В России, на наш взгляд, есть понимание того, что в числе таких отраслей, помимо уголовного права, уголовного процесса и других наук антикриминального цикла, ведущее место должны занять две науки: криминалистика и оперативно-розыскная деятельность. С помощью их научного инструментария вновь создаваемые, а также модернизируемые криминалистические методики расследования взяточничества, иных коррупционных преступлений, рекомендации в рамках оперативно-розыскного обеспечения противодействия коррупции в обязательном порядке должны содержать советы, инструкции по поводу:

1) тактических приемов, направленных на избежание провокаций и подстрекательских действий со стороны оперативных сотрудников и содействующих им лиц;

2) тактических операций и оперативно-тактических комбинаций, направленных на инициативное выявление и изобличение коррупционеров. «Инициативное выявление и изобличение» в заданном контексте означает деятельность оперативных подразделений, не ожидающих пассивно тех, кто придет с заявлениями о вымогательстве взятки (такой подход действительно неэффективен), а самих идущих в наступление на коррупционную преступность.

Здесь будет полезен как российский опыт и предложения по его оптимизации* [3, с. 86-97], так и опыт зарубежный. Как известно, в Великобритании и США в отдельных ситуациях правоохранительные органы прибегают к тактике, граничащей с провокацией. Так, А.В. Шмонин и О.И. Семькина приводят краткие описания обманных операций под названием «укусы» (stings) и «манна небесная» (mannafromheaven). При использовании такой тактики полиция создает фиктивные магазины, например, по купле-продаже ювелирных изделий, автомобилей и прочего в надежде пресечь сбыт краденного имущества. В данной ситуации полиция не нарушает границы правомерности. Она использует тактику обмана в целях выявления преступной сети сбыта имущества, приобретенного преступным путем [18, с. 262-263**].

Разработкой такого рода частных методик и методических рекомендаций должны в неотложном порядке заняться представители двух названных наук во взаимодействии со специалистами в области уголовного права и уголовного процесса, поскольку очевиден междисциплинарный, системный характер проблемы, а значит, и средств ее решения.

Литература

1. Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова. Хабаровск, 2013.

2. Гармаев Ю.П., Обухов А.А. Квалификация и расследование взяточничества: учеб.-практ. пособие. М., 2009.

3. Гармаев Ю.П., Фалилеев В.А. Оперативный эксперимент по делам о получении взятки: правила проведения, исключаящие провокацию // Проблемы совершенствования прокурорского надзора: сб. ст. Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИИПК ПР ГП РФ, 2006.

4. Карабанов А.Л., Мелькин С. К. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М.: ВолтерсКлувер, 2010.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СПС «Гарант».

6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/21> (дата обращения: 29.03.2014).

* Ранее нами предлагался алгоритм проведения так называемых «инициативных оперативных экспериментов».

** Авторы при этом ссылаются на следующую работу: Ashwoth A., Redmayne M. Op. cit. P. 262-263.

7. Постановление Европейского суда по правам человека от 26 октября 2006 г. Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Европейского суда по правам человека от 2 октября 2012 г. Дело «Веселов и другие (Veselov and others) против Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».
10. Постановление Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с их должностным положением или исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации».
11. Савенков А.Н., Савенкова Л.В. Состояние и проблемы формирования антикоррупционной правовой культуры в Российской Федерации // Проблемы формирования правосознания и правовой культуры современного российского общества: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. С.И. Герасимова. М., 2012.
12. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СПС «Гарант».
13. Фалилеев В.А. Правовое просвещение как средство предупреждения коррупции в регионе // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 10.
14. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».
15. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // СПС «Гарант».
16. Фоменко Е.В. Актуальные вопросы совершенствования действующего законодательства по борьбе с коррупцией и взяточничеством // Российский следователь. 2013. № 24.
17. Халиков А.Н. Перспективы оперативной работы в борьбе с коррупцией // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 4.
18. Шмонин А.В., Семькина О.И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 7.
19. Яни П.С. Уголовное законодательство и борьба с коррупцией // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: сб. ст. / под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупровой, А.И. Мизерия. Н. Новгород, 2001.

УДК 343.34

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 260 УК РФ (НЕЗАКОННАЯ РУБКА ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ)

Ольга Вениаминовна Шарипова, начальник кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: sharipova_2004@mail.ru

В статье рассмотрены различные научные концепции, касающиеся родового, видового и непосредственного объектов незаконной рубки леса. Родовым объектом выступает общественная безопасность. Единого научного толкования данного понятия нет. Не закреплено понятие «общественная безопасность» и в российских законах. В статье анализируется также понятие «экологическая безопасность», при этом автор предлагает свою дефиницию. Рассматривается структура общественного отношения как непосредственный объект преступного посягательства.

Ключевые слова: объект и предмет незаконной рубки лесных насаждений; общественная безопасность; экологическая безопасность.

**OBJECT CRIME UNDER ART. 260 OF THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA
(ILLEGAL FELLING OF FOREST PLANTATIONS)**

Olga Veniaminovna Sharipova, chair head of Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Kandidat nauk degree in Law

The article describes the various scientific concepts related genera, species, and direct objects of illegal logging. Generic object serves public safety. Single scientific interpretation of this concept is not. Not enshrined the concept of «public safety» and Russian laws. This article analyzes the concept of «environmental security», in which the author offers his own definition of «environmental security». The author considers the system of public relations as a direct object of a criminal assault.

Keywords: object and subject of illegal felling of forest plantations; public safety; environmental safety.

Объект преступления определяет социальную сущность и общественную опасность преступного посягательства, а также имеет практическое значение для квалификации общественно опасного деяния.

Родовым объектом незаконной рубки лесных насаждений, с учетом того, что они находятся в разд. IX Особенной части Уголовного кодекса РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», являются общественная безопасность и общественный порядок. Составной характер родового объекта позволяет преступления, обозначенные в этом разделе, условно поделить на две группы. Первую группу образуют преступления против общественной безопасности, вторую – против общественного порядка. По нашему мнению, особенность преступлений в сфере охраны и использования лесов, лесных и нелесных насаждений состоит в посягательстве на общественную безопасность. Безопасность есть «предупреждение опасности, выражение условий, при которых не угрожает опасность» [14, с. 39].

Под общественной безопасностью В.Ф. Кириченко понимает «общественные отношения, основанные на определенной системе мер и условий, обеспечивающих бесперебойную, беспрепятственную и нормальную деятельность государственных или общественных учреждений, предприятий или организаций, а также спокойствие граждан» [9, с. 5].

Р.Л. Габдрахманов полагает, что «общественной безопасностью являются общественные отношения, в рамках которых осуществляется любая деятельность граждан, затрагивающая интересы многих людей, сопряженная с нормальными условиями существования и безопасностью общества, граждан и государства, либо с возможностью причинения тяжкого вреда широкому кругу юридических и физических лиц» [25, с. 393].

А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинский определяют общественную безопасность как «совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни каждого члена общества, а равно безопасность личных, общественных и государственных интересов при ведении различного рода работ производственного характера, использовании источников повышенной опасности и обращении с общепасными предметами» [23, с. 419].

Несмотря на различное толкование общественной безопасности, ученые-правоведы, тем не менее, приходят к единому выводу о том, что преступления против общественной безопасности представляют опасность для широкого круга общественных отношений, в частности, причиняют вред отдельной личности, создают угрозу безопасности всему обществу и государственным интересам в целом.

Следует отметить, что представление об общественной безопасности как родовом объекте преступлений в сфере охраны природных элементов в теории уголовного права сложилось не сразу. Так, в конце 70-х гг. XX в. с учетом структуры прежнего уголовного законодательства Т.А. Бушуева и П.С. Дагель в качестве родового объекта преступлений в сфере охраны природных компонентов предлагали считать «нормальные отношения между людьми по поводу окружающей среды как основы существования и жизнедеятельности человеческого общества» [3, с. 81-82]. Однако данное положение не получило дальнейшего развития.

В юридической литературе высказано мнение, что родовым объектом экологических преступлений служат отношения по поводу права человека на благоприятную окружающую среду [16, с. 87]. Данная позиция является достаточно новой для науки уголовного права, но в других отраслях права это положение используется достаточно давно. Оно прочно вошло в практику международных договоров и соглашений. Так, на Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде 1972 г., ставшей поворотным пунктом в экологической политике ряда государств, была принята Декларация принципов по окружающей среде [18, с. 65], выражающая отношение мирового сообщества к проблеме окружающей среды в настоящее время и на перспективу [18, с. 65]. Наиболее важное значение, на наш взгляд, имеет такой принцип, как «право человека на благоприятные условия жизни в окружающей среде».

В докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию в Своде правовых принципов указывается, что все люди имеют основное право на окружающую среду, благоприятную для их здоровья и благополучия [13, с. 310].

Эти идеи были использованы и при разработке ряда законов Российской Федерации, регулирующих экологические правоотношения. Так, статья 42 Конституции РФ закрепила право каждого на благоприятную окружающую среду. В Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [27] также провозглашен принцип соблюдения прав человека на благоприятную окружающую среду. Полагаем, данное положение во многом имеет предварительный характер для уголовного права и необходима его дальнейшая научная разработка.

Относительно видового объекта преступлений в сфере охраны и использования лесов, лесных и нелесных насаждений среди ученых также нет единого мнения, но преобладает позиция, согласно которой видовым объектом указанных преступлений следует считать комплексные общественные отношения по рациональному использованию природных ресурсов, сохранению качественно благоприятной природной среды для человека и иных живых существ и обеспечению экологической безопасности населения.

Так, О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинский видовой объект анализируемых деяний определяют как «сложный целостный комплекс фактических общественных отношений, их правовой формы и материального субстрата, рациональное осуществление которых обеспечивает оптимальную жизнедеятельность человека по использованию окружающей среды как непосредственного базиса деятельности и для удовлетворения иных разумных социальных потребностей» [6, с. 67]. Полагаем, что сформулированный тезис, хотя и правильный в своей основе, является достаточно сложным для уяснения сущности видового объекта в силу использования специфических терминов. В частности, остается неясным, что именно в данном контексте авторы относят к «правовым формам», «материальным субстратам» и «разумным социальным потребностям».

По мнению А.П. Чугаева [29, с. 227], Н.Л. Романовой [17, с. 43], видовым объектом экологических преступлений следует считать охраняемые уголовным законом общественные отношения по поводу сохранения благоприятной для человека и иных живых существ природной среды, рационального использования природы и обеспечения экологической безопасности населения.

Н.И. Ветров, Э.Н. Жевлаков, исследуя этот вопрос, приходят к выводу, что «видовой объект рассматриваемых преступлений представляет собой охраняемые уголовным законом комплексные общественные отношения, сложившиеся в процессе рационального использования природных ресурсов и сохранения качественно благоприятной для человека и иных живых существ природной среды и обеспечения экологической безопасности населения» [24, с. 170; 30, с. 420].

А.И. Чучаев считает, что видовым объектом рассматриваемых преступлений являются отношения: а) по охране окружающей среды; б) по рациональному использованию природных ресурсов; в) по сохранению оптимальной для жизнедеятельности человека и иных живых существ природной среды; г) по обеспечению экологической безопасности населения [21, с. 142].

То, что в качестве видового объекта выступают общественные отношения в сфере рационального использования природных ресурсов, сохранения благоприятной природной среды и обеспечения экологической безопасности, фактически признают и другие авторы [1, с. 5-6; 8, с. 14; 20, с. 149; 21, с. 305].

Отметим, указанные определения содержат такой термин, как «экологическая безопасность», но поскольку содержание его не раскрывается, есть необходимость его рассмотрения.

Статья 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» определяет экологическую безопасность как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий [27].

Некоторые авторы относят к экологической безопасности систему мер, направленных на защиту жизненно важных интересов человека от неблагоприятного воздействия окружающей среды [7, с. 86], или процесс обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества, природы и государства от реальных или потенциальных угроз, создаваемых антропогенным либо естественным воздействием на окружающую среду [10, с. 55].

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что под экологической безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, окружающей среды от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на окружающую среду.

На наш взгляд, в приведенных дефинициях отражены все группы общественных отношений, где окружающая среда выступает в качестве предмета преступного посягательства. Это отношения, возникающие по поводу рационального использования природных ресурсов, охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности.

Таким образом, видовым объектом преступлений в сфере охраны и использования лесов и иной древесно-кустарниковой растительности являются охраняемые уголовным законом общественные отношения в сфере рационального использования природных ресурсов, охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности.

Решение вопросов квалификации преступлений неразрывно связано с правильным установлением их непосредственного объекта. Под таковым понимается конкретное общественное отношение [5, с. 23-29; 4, с. 3; 11, с. 8; 15, с. 142; 19, с. 17], на которое направлено преступное посягательство и которому причиняется вред либо создается угроза его причинения.

Необходимо подчеркнуть, что общественные отношения как объект преступного посягательства имеют особую внутреннюю структуру: предметы, по поводу которых они возникают, субъекты общественных отношений, социальная связь как содержание последних [2, с. 167; 4, с. 3; 5, с. 23-29; 19, с. 17]. Так, Я.М. Брагинин пишет, что «в со-

став понятия общественного отношения как объекта преступления входит ряд элементов: субъекты или участники этих отношений, их действия или состояние по отношению друг к другу, охраняемые законом интересы субъектов общественного отношения и их материальное выражение в виде предметов, вещей или иных материальных ценностей» [2, с. 167].

Раскрывая содержание общественного отношения, следует учитывать, что самостоятельное изучение его предмета имеет значение для уголовного права только тогда, когда предмет общественного отношения по своей форме и содержанию совпадает с предметом преступления, т.е. имеет уголовно-правовое значение.

Е.А. Фролов под предметом преступления понимает «такие предметы или вещи, которые служат материальным (вещественным) поводом, условием либо свидетельством существования определенных общественных отношений и посредством изъятия, уничтожения или видоизменения которых причиняется ущерб объекту преступления» [28, с. 222].

С.Ф. Кравцов определяет предмет преступления как «материальный вещественный элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе, путем противоправного воздействия на который нарушается общественное отношение» [12, с. 16]. Он относит к предмету все то вещественное, что упоминается в статьях уголовного закона. Так, законодатель прямо указывает, что предметом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, могут быть лесные насаждения, а равно не отнесенные к лесным насаждениям деревья, кустарники, лианы. Вполне очевидно, что в данном случае предмет общественных отношений и предмет преступлений совпадают. Таким образом, указанные в уголовном законе предметы выступают предметом отношений, поставленных под уголовно-правовую охрану, т.е. отношений, направленных на рациональное использование, охрану и воспроизводство леса, его составных элементов (деревьев, кустарников и лиан).

Выясняя субъективный состав общественного отношения, необходимо отметить, что в структуру любого общественного отношения входят его субъекты (участники). Следует учитывать, что иногда он может совпадать с субъектом преступления, например, в должностных преступлениях. Участники же лесных правоотношений и субъект преступления в сфере охраны и использования лесов, лесных и нелесных насаждений не совпадают. Уголовным законом охраняются отношения между субъектами, которые складываются в процессе хозяйственной деятельности, направленной на рациональное использование, охрану и восстановление лесов, лесных и нелесных насаждений. Субъект рассматриваемого преступления посягает на общественные отношения в сфере охраны и рационального использования леса и его составных элементов, а равно нелесных насаждений, которые охраняются законом. Тем самым своими действиями причиняет ущерб именно общественным отношениям в сфере охраны и рационального использования леса и его составных элементов, а равно деревьев, кустарников и лиан, не входящих в леса, и, следовательно, посягает на объект преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 260 УК РФ.

Для правильного решения вопроса об объекте преступления недостаточно выявить предмет и субъект охраняемого уголовным законом отношения, следует установить социальную связь, которая справедливо рассматривается как содержание самого отношения.

Под социальной связью чаще всего понимают обязанность определенного поведения взаимодействующих субъектов отношения. Социальная связь – не что иное, как вид человеческой деятельности, который осуществляется внутри самих общественных отношений, выступая основным связующим звеном между субъектом и предметом либо субъектами. При этом важно отметить, что социальная связь проявляется в различных формах человеческой деятельности. Поэтому при выяснении объекта преступления необходимо определить ту социальную связь, ту деятельность людей, которая постав-

лена под охрану уголовного закона [19, с. 17], что, в свою очередь, дает возможность раскрыть и содержание нарушенного отношения.

При совершении многих преступлений часто именно социальная связь подвергается непосредственному преступному воздействию. В частности, это происходит в тех случаях, когда ущерб объекту причиняется посредством нарушения какой-либо деятельности, например, нарушается хозяйственная деятельность. Так, незаконная рубка посягает на охраняемую законом хозяйственную деятельность в сфере охраны и рационального использования леса и его составных элементов, а равно деревьев, кустарников и лиан, не входящих в леса. Следует отметить, что эта деятельность имеет чрезвычайно сложный характер. Отношения в сфере охраны и использования лесов, лесных и нелесных насаждений регулируются различными нормативно-правовыми актами. Как справедливо отмечает В.Я. Таций, незаконная порубка «препятствует реализации усилий государства, направленных на рациональное использование и воспроизводство лесных ресурсов» [19, с. 59].

Изложенное позволяет сделать вывод, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, являются общественные отношения, возникающие между участниками лесных отношений в процессе хозяйственной и иной деятельности по поводу рационального использования и охраны леса и его составных элементов (деревьев, кустарников и лиан), а равно деревьев, кустарников и лиан, не входящих в леса.

Таким образом, с позиции объекта посягательства, с точки зрения его социальной направленности, преступления в сфере охраны и использования лесов можно определить как общественно опасные виновные запрещенные уголовным законом деяния, наносящие вред или создающие угрозу причинения вреда общественным отношениям в сфере охраны и использования лесов, лесных и нелесных насаждений.

Рассматривая вопрос о предмете преступления, необходимо сказать, что в диспозиции ст. 260 УК РФ содержится прямое указание на предмет посягательства. Это деревья, кустарники и лианы, характеризующиеся особыми свойствами. Во-первых, они имеют как естественный, так и искусственный характер происхождения. Во-вторых, находятся в естественном состоянии – на корню. В-третьих, произрастают на территории леса, а равно на территории, не являющейся лесом (лесопарки, скверы, бульвары; деревья и кустарники, выращиваемые в лесопитомниках; отдельно произрастающие деревья и кустарники; лесопосадки вдоль автомобильных и железных дорог и т.п.).

Литература

1. Баландюк В.Н. Уголовно-правовая характеристика экологических преступлений. М., 2000.
2. Брагинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1967.
3. Бушуева Т.А., Дагель П.С. Объект уголовно-правовой охраны природы // Советское государство и право. 1977. № 8.
4. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979.
5. Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. Л., 1966.
6. Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Причины экологических преступлений. М., 1988.
7. Ерофеев Б.В. Экологическое право России: учеб. для студентов высших учебных заведений. М., 2010.
8. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: уголовно-правовой и криминологический анализ. М., 2002.
9. Кириченко В.Ф. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1970.
10. Копылов М.Н. Экологическая безопасность: понятийно-терминологический аспект // Закон и право. 2000. № 3.

11. Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976.
12. Кравцов С.Ф. Предмет преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976.
13. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии. М., 1989.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970.
15. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961.
16. Плешаков А.М. Экологические преступления: концепции и система понятий // Государство и право. 1993. № 8.
17. Романова Н.Л. Понятие и система экологических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2001.
18. Соколов О.С., Стрельников Г.А., Исаева О.К. Экологическое право: курс лекций. М., 2003.
19. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.
20. Уголовное право России (Особенная часть): учеб. / под ред. В.П. Ревина. М., 2010.
21. Уголовное право Российской Федерации (Общая и Особенная части): учеб. для вузов / под ред. А.И. Чучаева. М., 2013.
22. Уголовное право Российской Федерации (Особенная часть) / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1999.
23. Уголовное право (Общая и Особенная части) / под ред. А.Б. Мельниченко, С.Н. Радачинского. М., 2002.
24. Уголовное право (Общая и Особенная части) / под ред. Н.И. Ветрова. М., 2000.
25. Уголовное право (Особенная часть): учеб. / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1998.
26. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
27. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 12 марта 2014 г. № 27-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
28. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. Свердловск, 1969.
29. Чугаев А.П. Состав экологического преступления: системно-структурный анализ // Современные проблемы правоведения. Краснодар, 1998.
30. Экологическое право России: учеб. / под ред. В.Д. Ермакова. М., 1997.

УДК 343.24

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Оксана Васильевна Золотарева, преподаватель Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: roma7474@bk.ru

В статье рассматриваются понятие, признаки и виды иных мер уголовно-правового характера, а также место отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в системе этих мер. Автор статьи полагает, что система мер уголовно-правового характера нуждается в систематизации, совершенствовании правовой регламентации для бесспорного отнесения к самостоятельному институту уголовного права.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; иные меры уголовно-правового характера; наказание; уголовная ответственность; отсрочка отбывания наказания больным наркоманией.

POSTPONEMENT OF SENTENCE EXECUTION FOR CRIMINAL DRUG ADDICTS AS ANOTHER CRIMINAL LAW MEASURE

Oksana Vasilyevna Zolotaryeva, lecturer of Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article deals with conception, signs and kinds of other measures under criminal law. Considered a place of postponement of punishment of drug addicts in system other measures under criminal law. The author of article believes that the system measures the criminal law needs to organize, improving the legal regulation for the undisputed referring to independent institution of criminal law.

Keywords: Criminal Code of Russian Federation; other measures of criminal-law character; punishment; criminal responsibility; postponement of punishment of drug addicts.

Противодействие преступным проявлениям не теряет своего острого социального значения. Можно констатировать тот факт, что решение проблем воспроизводства преступности простым усилением наказания уже исчерпало себя. Новейшие изменения в уголовном законодательстве демонстрируют поиск альтернативных путей воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом. Эти альтернативные решения хотя и не связаны с суровыми лишениями и ограничениями прав человека и гражданина, но, тем не менее, способны достичь целей, закрепленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ. В свете сказанного особую значимость приобретают иные меры уголовно-правового характера и их предупредительный потенциал.

Появление этих мер в Уголовном кодексе Российской Федерации является новеллой. Так, в соответствии со ст. 1 УК РСФСР 1960 г. за совершение преступления возможно было применение лишь такой меры государственного принуждения, как наказание.

Таким образом, действующий уголовный закон России содержит две системы правовых последствий совершения преступления – систему наказаний и систему иных мер уголовно-правового характера, что вытекает из толкования гипотез ч. 2 ст. 2, ст. 3, 6, 7 УК РФ. Эти две системы имеют сходную правовую природу, призваны реализовывать принципы уголовного законодательства и являются мерами уголовно-правового характера, т.е. мерами государственного принуждения. По справедливому замечанию профессора А.И. Чучаева, на основе признака правовой закрепленности «логично предположить, что все средства, регламентированные УК РФ, выступают мерами уголовно-правового характера и образуют уголовно-правовое воздействие» [6, 9].

В современной доктрине вопросы о понятии и целях, признаках и системе мер уголовно-правового характера являются наиболее дискуссионными, поскольку этот институт сложился в более поздний период, чем традиционные уголовно-правовые институты. К тому же все чаще делается оглядка на зарубежный опыт широкого использования мер принуждения, безопасности, уголовно-правового воздействия вместо или наряду с наказанием [6, 4].

Несмотря на единую правовую природу, эти меры имеют серьезные отличия как по формальным, так и по содержательным признакам (по целям и содержанию назначения, основаниям, процессуальному порядку и правовым последствиям применения).

Следует согласиться с той точкой зрения, что сам термин «меры уголовно-правового характера» «слишком широкий по объему, не отображает специфики обозначаемых средств» [9, с. 291]. Практически все ученые сходятся во мнении о нелогичности и непоследовательности законодательного решения о включении только двух видов мер уголовно-правового характера – принудительных мер воспитательного воздействия и конфискации имущества в разд. VI «Иные меры уголовно-правового характе-

ра», в то время когда другие подобные меры распределены по разным главам и разделам Общей части УК РФ [5, с. 40]. Данное, не вполне удачное решение законодателя вызвало сомнение у части исследователей относительно возможности рассмотрения иных мер уголовно-правового характера в качестве единой системы, единого института уголовного права России [1, с. 154].

Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ раздел VI УК РФ был переименован в «Иные меры уголовно-правового характера» и дополнен гл. 15.1 «Конфискация имущества». Данный факт говорит о том, что процесс формирования института иных мер уголовно-правового характера на современном этапе явно далек от завершения и требуется дальнейшее развитие его правовой регламентации. Возможно, в конечном итоге это будет выработка законодательной дефиниции, закрепление перечня подобных мер, указание на их цели и т.п.

Через пять лет перечень иных мер уголовно-правового характера был расширен за счет включения в УК РФ разновидности деятельного раскаяния – освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ) и нормы об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ) в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В настоящее время среди ученых-криминологов отсутствует единство мнения относительно перечня иных мер уголовно-правового характера.

Анализируя законодательные и теоретические положения об иных мерах уголовно-правового характера, следует отметить, что в научной и учебной литературе кроме иных мер уголовно-правового характера «in law», т.е. тех, которые в качестве таковых прямо признал УК РФ в разд. VI, к системе этих мер относят: принудительные меры воспитательного воздействия, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Весьма спорным представляется отнесение судимости к иным мерам уголовно-правового характера [7, с. 287]. Судимость не может возникнуть без применения к субъекту наказания только наказания, то есть это подчиненное наказанию правовое явление. По своей сути оно является специфическим правовым состоянием лица, отбывшего наказание, возникает во всех без исключения случаях применения к лицу наказания, то есть является его автоматическим правовым последствием. Суд не вправе решать вопрос применять либо не применять институт судимости к лицу, в то время как иные меры уголовно-правового характера являются альтернативами применения наказания и их выбор является исключительным правом суда (кроме случаев амнистии, помилования и т.п.).

Уголовно-правовое значение судимости состоит в определении наличия рецидива преступления и его вида, а также в его возможности влиять на квалификацию преступления в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ. Таким образом, судимость может выступать в качестве факультативного признака субъекта преступления либо являться фактически отягчающим обстоятельством. Подобным значением не может «похвастаться» ни одна мера уголовно-правового характера.

Проблемными также являются попытки выработать понятие иных мер уголовно-правового характера. Некая разнородность, определенно присущая мерам уголовно-правового характера, вынуждает ученых-криминологов при определении самого понятия «иная мера уголовно-правового характера» во главу угла ставить его отрицательный признак – отсутствие этих мер в перечне видов наказаний в соответствии со ст. 44 УК РФ. Так, под иными мерами уголовно-правового характера понимаются «все те уголовно-правовые формы реагирования на преступление или общественно опасное деяние, которые не являются наказанием» [7, с. 286].

Для уяснения определения иных мер уголовно-правового характера представляется целесообразным выявить наиболее важные общие признаки, присущие всем иным мерам, провести отличие от наказания, а также рассмотреть возможные основания классификации мер уголовно-правового характера.

Иным мерам уголовно-правового характера присущи следующие общие признаки:

1. Они связаны с фактом совершения лицом общественно опасного деяния, запрещенного УК РФ под страхом наказания, то есть являются правовым последствием совершения преступления.

По своей сути иные меры уголовно-правового характера также являются формой реакции государства в лице правоохранительных органов на противоправные действия субъекта преступления.

2. Общим основанием применения иных мер уголовно-правового характера является совершение не только деяния, содержащего все признаки состава преступления, но и деяния, не обладающего всей полнотой признаков состава преступления, а именно отсутствуют признаки субъекта преступления и, как следствие, – признаки субъективной стороны. Отсутствие виновности как признака преступления не означает отсутствие его общественной опасности и свидетельствует о том, что государство должно «закрывать глаза» на поведение невменяемых лиц. Основания применения иных мер уголовно-правового характера шире по объему, чем основания применения наказания.

3. Обладают правовой закрепленностью (формальный признак). Иные меры уголовно-правового характера должны быть предусмотрены в уголовном законе.

Трудно согласиться с точкой зрения, что к числу мер уголовно-правового характера следует относить меры, «применяемые к лицу, совершившему преступление, на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования» [10, с. 200]. На стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования к подозреваемому либо обвиняемому могут применяться меры пресечения и иные меры процессуального принуждения в соответствии с разд. IV, гл. 12-14 УПК РФ, то есть в УК РФ они не закреплены и не являются институтом уголовно-процессуального права.

4. Имеют принудительный характер, то есть их применение обеспечивается волей государства, а не самого лица, и отказ от соблюдения требований, установленных этими мерами, влечет определенные санкции со стороны правоприменительных органов, вплоть до их отмены и возвращения к «обычной» (более строгой) форме реализации уголовной ответственности.

5. Вспомогательный либо заменительный характер применения иных мер относительно наказания свидетельствует о переложении на них частичной «обязанности» исправить виновное лицо, восстановить социальную справедливость, удержать самого виновника и неопределенный круг лиц от совершения в дальнейшем общественно опасных деяний, запрещенных УК РФ.

Так или иначе, иные меры уголовно-правового характера реализуют ту или иную цель наказания, закрепленную в ст. 43 УК РФ, чаще всего это частная превенция – «обеспечение правомерного поведения лица, совершившего общественно опасное деяние» [10, с. 199]. Но возможна реализация и другой цели наказания. Одной из целей применения принудительных мер воспитательного воздействия является исправление несовершеннолетнего преступника; конфискация имущества применяется для восстановления социальной справедливости, нарушенной фактом совершения преступления и незаконным обогащением преступника в связи с этим.

Однако целями, свойственными уголовному наказанию, применение иных мер уголовно-правового характера не исчерпывается. Отдельные меры могут иметь свои специфические цели. Так, принудительные меры медицинского характера имеют и цель – излечение лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, или улучшение их психического состояния. Логично предположить, что отсрочка отбывания наказания больным наркоманией имеет также целью излечение от наркомании.

6. Часто в качестве основных признаков иных мер уголовно-правового характера указывается на то, что они «отражают негативное отношение государства к совершенному лицом преступному деянию и заключают в себе порицание преступления», а также «сопряжены с определенными правоограничениями» [10, с. 201]. Но такие признаки присущи далеко не всем иным мерам. Например, применение норм, освобождающих от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии с положениями Общей и Особенной частей УК РФ, свидетельствует о поощрении государством положительного посткриминального поведения субъекта. Предоставление отсрочки отбывания наказания в соответствии со ст. 82 и 82.1 УК РФ не содержит иных правоограничений, отличных от требований к остальным гражданам. Таким образом, данные два признака являются не основными, а специальными, присущими не всем, а лишь некоторым видам иных мер уголовно-правового характера.

7. Иные меры уголовно-правового характера имеют строго личный характер, могут быть применены только к гражданам, иностранным гражданам либо лицам без гражданства, то есть только к физическим лицам [4, с. 219].

8. В соответствии с принципом гуманизма (ст. 7 УК РФ) иные меры уголовно-правового характера не могут иметь своей целью причинение физического или нравственного страдания.

9. В качестве последнего признака следует отметить, что назначение, изменение, продление, отмена иных мер уголовно-правового характера относится к исключительной прерогативе суда. Но и этот признак имеет исключения, поскольку существуют внесудебные формы освобождения от уголовной ответственности (ст. 76, 76.1, 78, 84 УК РФ) и наказания: амнистия (ст. 84 УК РФ) и помилование (ст. 85 УК РФ).

Некоторые из перечисленных признаков роднят иные меры уголовно-правового характера с мерами уголовного наказания, в связи с этим возникает необходимость провести отличие этих мер уголовно-правового воздействия друг от друга. В качестве отличительных признаков следует выделить следующие:

1. Перечень видов наказаний строго определен и иерархичен, закреплен в единой статье Общей части УК РФ (ст. 44 УК РФ – для совершеннолетних, ст. 88 УК РФ – для несовершеннолетних), в то время как иные меры уголовно-правового характера разбросаны по разным главам и разделам Общей части УК РФ.

2. Иные меры уголовно-правового характера, в отличие от мер наказания, не находят своего отражения в санкциях статей Особенной части.

3. Ни одна мера уголовно-правового характера не влечет как результат своего применения специфическое правовое последствие в виде судимости.

4. Отсутствие карательной сущности иных мер уголовно-правового характера. Несмотря на то, что по своей сути карой эти меры не являются, некоторые из них обладают определенной правоограничительной направленностью, но не столь интенсивной, сильной и продолжительной, какая присуща наказанию. Например, при назначении наряду с наказанием конфискации имущества в соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ она усиливает исправительное воздействие основного наказания на осужденное лицо. Вместе с тем конфискация не ущемляет имущественных прав осужденного, поскольку обращению в пользу государства подлежат деньги, ценности и иное имущество, не принадлежащие субъекту на законном основании, а полученные преступным путем [11, с. 133-134].

5. Иные меры уголовно-правового характера имеют самостоятельный, обособленный характер, т.е. применение одной меры уголовно-правового характера исключает возможность применения к лицу другой меры уголовно-правового характера. Например, недопустимо одновременное применение условного осуждения и отсрочки отбывания наказания больным наркоманией или конфискации имущества с освобождением от уголовной ответственности или наказания. Как известно, статья 45 УК РФ допускает

существование помимо основных также дополнительных и универсальных видов наказания.

6. Отличаются иные меры уголовно-правового характера от наказания и процессуальным оформлением. Уголовное наказание всегда определяется в резолютивной части обвинительного приговора. Иные меры назначаются в соответствии с постановлением (определением) суда, следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора.

Для более полного уяснения правовой сущности иных мер уголовно-правового характера необходимо провести их классификацию по разным основаниям.

Р.С. Данелян приводит классификацию иных мер уголовно-правового характера в зависимости от способа реагирования и воздействия [5, с. 41]:

1. Меры освободительного (поощрительного) характера: условное осуждение (ст. 73-74 УК РФ), все виды освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ) и наказания (гл. 12 УК РФ). В рамках данной группы также выделены иные меры уголовно-правового характера:

- 1) освобождающие от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ);
- 2) освобождающие от наказания (ст. 73-74 УК РФ, гл. 12 УК РФ).

2. Меры принудительного характера: принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90-92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискация имущества (гл. 15.1 УК РФ).

В зависимости от субъекта, к которому они могут быть применены, выделяются иные меры уголовно-правового характера:

1. Применяемые к лицам, совершившим преступление (принудительные меры медицинского характера, назначаемые в порядке п. «б», «в», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ; конфискация имущества; принудительные меры воспитательного воздействия; условное осуждение; отсрочка отбывания наказания; освобождение от уголовной ответственности и наказания).

2. Применяемые к лицам, совершившим общественно опасные деяния (принудительные меры медицинского характера, назначаемые в порядке п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Если рассматривать уголовную ответственность как обязанность лица, совершившего преступление, дать отчет перед государством в содеянном, подвергнуться осуждению, наказанию и иным неблагоприятным юридическим последствиям, предусмотренным уголовным законом [6, с. 64], то иные меры уголовно-правового характера, бесспорно (кроме мер, освобождающих от уголовной ответственности), выступают в качестве полноценной формы реализации уголовной ответственности.

Отсрочка применения наказания, предоставляемая лицам, больным наркоманией, предполагает, что исполнение такой меры уголовно-правового характера, как наказание, откладывается на неопределенный срок в связи с невозможностью или нецелесообразностью немедленной реализации.

Норма ст. 82.1 УК РФ имеет некоторые общие черты с такими мерами уголовно-правового характера, как условное осуждение и амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра для лиц, признанных ограниченно вменяемыми. Существует мнение, что отсрочка выступает в качестве испытательного срока [3, с. 31].

Назначение отсрочки, предусмотренной ст. 82.1 УК РФ, состоит в том, чтобы лицо, больное наркоманией, которого его заболевание подтолкнуло к совершению преступления, сопряженного с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ без цели сбыта, излечилось, осознало недопустимость своего поведения и в будущем отказалось от немедицинского употребления наркотиков и, как следствие, от совершения преступлений, связанных с этой манией.

Совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств,

психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», ч. 1 ст. 231 УК РФ «Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» и ст. 233 УК РФ «Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ», и назначение наказания в виде лишения свободы является общим основанием предоставления отсрочки в порядке ст. 82.1 УК РФ. Обязательными же условиями будут юридические факты наличия у лица заболевания наркоманией; совершение впервые вышеуказанных преступлений и желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию.

Правовое содержание данного института не позволяет говорить о наложении на осужденное лицо каких-либо дополнительных правоограничений, обусловленных совершением преступления. Ограничения лица связаны с фактом излечения его от наркомании и предполагают воздержание осужденного от потребления наркотических средств и психотропных веществ, воздержание от совершения иных новых преступлений. Воздержание от совершения преступления – конституционная обязанность каждого гражданина, вытекающая из анализа положения ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

В то же время наркоман, получивший отсрочку отбывания наказания, считается судимым в течение всего курса лечения, медико-социальной реабилитации, которые могут продолжаться до пяти лет, и ремиссии, длительностью не менее двух лет до момента освобождения осужденного от отбывания наказания. В связи с судимостью лицо испытывает ограничения своих прав на свободу передвижения и выбора места жительства, находится под контролем специализированного органа, подчиняется требованиям соблюдать условия предоставленной отсрочки.

В научной литературе высказывается разделяемое нами мнение, что предупредительный потенциал этой меры уголовно-правового характера возможно существенно повысить за счет включения в перечень статей, по которым предоставляется отсрочка, иных преступлений небольшой и средней тяжести, совершенных лицами, больными наркоманией [2, с. 7].

В нынешней редакции ст. 82.1 УК РФ перспектив широкого применения этой меры уголовно-правового характера не предвидится, поскольку осужденные наркоманы предпочтут «не связываться» с длительным курсом лечения и реабилитации, избирая назначение наказания, к тому же суд чаще идет по пути назначения наказания, не связанного с реальным лишением свободы [8, с. 33].

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы.

В настоящее время значительному по объему институту мер уголовно-правового характера, на важность которого указывается в ч. 2 ст. 2 УК РФ, не уделяется достаточного внимания.

Очевидно, требуется расширительное толкование (рассмотрение) и законодательное закрепление института мер уголовно-правового характера. Помимо иных мер, прямо закрепленных в разд. VI УК РФ, к ним следует относить и принудительные меры воспитательного воздействия, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Иным мерам уголовно-правового характера присущи общие признаки, они имеют четкое отличие от мер наказания; внутри системы иных мер уголовно-правового характера возможно выделение различных групп мер в зависимости от классификационного основания.

Иными мерами уголовно-правового характера следует считать меры государственного принуждения, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федера-

ции, не включенные в систему наказаний, применяемые в качестве альтернативы наказанию или наряду с ним к лицам, совершившим преступления, в целях предупреждения совершения указанными лицами новых преступлений, их исправления, излечения, восстановления социальной справедливости, и состоящие в освобождении от уголовной ответственности и наказания и (или) в принудительном ограничении прав, интересов и свобод указанных лиц.

Литература

1. Батанов А.Н. Иные меры уголовно-правового характера – самостоятельный институт российского уголовного законодательства? // Общество и право. 2011. № 5.
2. Буркина О.А., Кузнецов А.И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения // Наркоконтроль. 2013. № 4.
3. Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2.
4. Гребенкин Ф.Б. Меры уголовно-правового характера и их применение: учеб. пособие. М., 2013.
5. Данелян Р.С. К вопросу о системе иных мер уголовно-правового характера // Российский судья. 2013. № 2.
6. Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И. и др. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рарога. М. 2012.
7. Келина С.Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы IV Междун. науч.-практ. конф. (25-26 января 2007 г., г. Москва). М., 2007.
8. Откидач А.О. О правоприменительной практике по ст. 82.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наркоконтроль. 2013. № 2.
9. Пунигов А.С. К вопросу о понятии «меры уголовно-правового характера» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы IV Междун. науч.-практ. конф. (25-26 января 2007 г., г. Москва). М., 2007.
10. Черных О.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие и содержание // Общество и право. 2010. № 4.
11. Яни П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.136

ПОЛНОМОЧИЯ НАЧАЛЬНИКА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ильдар Гайсович Хисматуллин, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: ildar_khismatullin@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы процессуального статуса начальника органа дознания. В настоящее время УПК РФ не предусматривает отдельной статьи, в которой были бы изложены процессуальные полномочия начальника органа дознания. В связи с этим предлагается проект ст. 40² «Начальник органа дознания». Анализируя полномочия начальника органа дознания, автор акцентирует внимание на правомочности им производства дознания. Так как начальник органа дознания не может качественно осуществлять процессуальный контроль за деятельностью дознавателей, предлагается делегировать его полномочия в полном объеме начальникам подразделений дознания.

Ключевые слова: начальник органа дознания; начальник подразделения дознания; дознаватель; орган дознания.

ACTUAL PROBLEMS OF AUTHORITY CHIEF BODY OF INQUIRY

Ildar Gaysovich Khismatullin, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Kandidat nauk degree in Law

The paper deals with current issues of procedural status chief of body of inquiry. Currently, Code of Criminal Procedure does not provide for a separate article, which would set out the procedural powers of the chief body of inquiry. In this regard, a draft of Article 40² «Chief of body of inquiry». Analyzing powers of the chief body of inquiry focuses on the legality of the inquiry to them. Taking into account that the chief body of inquiry can not be involved in operational quality control over the activities of investigators, it is proposed to delegate its powers in full heads of divisions of inquiry.

Keywords: chief of body of inquiry; head of the unit of inquiry; inquirer; body of inquiry.

Современное уголовно-процессуальное законодательство РФ не предусматривает специальной статьи в УПК РФ, в которой были бы изложены процессуальные полномочия начальника органа дознания, как это сделано в отношении дознавателя и начальника подразделения дознания в ст. 40¹ и 41 УПК РФ.

Несмотря на то, что начальник органа дознания является его руководителем, законодатель не внес указанного субъекта в перечень участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, перечисленных в гл. 6 УПК РФ, тем самым поставив знак равенства между понятиями «орган дознания» и «начальник органа дознания», как бы уравнивая их полномочия. Отсюда и происходит ошибочность отдельных высказываний. В частности, А.П. Кругликов считает, что все процессуальные полномочия органа дознания в полном объеме, в том числе и по осуществлению уголовного преследо-

вания, предусмотренные ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в первую очередь осуществляет начальник органа дознания [5, с. 44].

Действительно, полномочия, которые законодатель относит к органам дознания, не могут быть реализованы без начальника органа дознания, так как они полностью относятся к его компетенции. Следовательно, понятия «орган дознания» и «начальник органа дознания» тождественны с точки зрения соотношения их процессуальных полномочий в качестве участников уголовно-процессуальной деятельности [4, с. 12, 21].

Процессуальные полномочия начальника органа дознания прямо вытекают из ряда статей УПК РФ. Так, например, в соответствии с п. 17 ст. 5 УПК РФ начальником органа дознания является должностное лицо органа дознания, в том числе заместитель начальника органа дознания, уполномоченное давать поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий, осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Е.В. Ларкина предлагает исключить п. 17 ст. 5 УПК РФ и дополнить данную статью п. 38.2: «руководитель органа дознания – должностное лицо, возглавляющее орган дознания, в том числе заместитель руководителя органа дознания, уполномоченное давать поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий, осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом» [6, с. 124].

Полагаем, вышеуказанное определение требует некоторой корректировки. Мы предлагаем изложить его в следующей редакции: «Начальник органа дознания – это должностное лицо, возглавляющее орган дознания, в том числе его заместитель, уполномоченное в пределах компетенции осуществлять процессуальные действия и принимать процессуальные решения, предусмотренные настоящим Кодексом для начальника (и возглавляемого им) органа дознания».

Возможно, предложенная нами редакция понятия «начальник органа дознания» не является совершенной. Однако, во-первых, нами предпринята попытка уйти от ошибочного понимания понятия начальника органа дознания как о любом должностном лице органа дознания, что лишает логичности редакцию п. 17 ст. 5 УПК РФ. Так, например, начальник подразделения дознания, согласно ст. 40¹ УПК РФ, также вправе давать поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий, осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Во-вторых, не все органы дознания наделены полномочиями по производству дознания. В-третьих, из законодательного определения следует, что данное должностное лицо вправе только давать поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий, и нет прямого указания на их самостоятельное осуществление.

По мнению А.А. Дядченко, уголовно-процессуальная правоспособность и дееспособность начальника органа дознания являются тождественными, так как возникают по единому основанию и совпадают по моменту приобретения, то есть с момента издания приказа о назначении лица на должность начальника органа дознания. В связи с этим можно говорить о том, что начальник органа дознания обладает правосубъектностью. Вспомогательными функциями начальника органа дознания являются процессуальный контроль и организация процессуальной деятельности органа дознания. Одним из основных полномочий организационной и процессуальной деятельности начальника органа дознания является их делегирование путем написания им соответствующей резолюции на заявлении о преступлении или рапорте сотрудника. Делегируя процессуальные полномочия, начальник органа дознания фактически распределяет функциональные обязанности между уполномоченными и правомочными дознавателями. Наиболее распространенный критерий распределения уголовных дел – это загруженность дознавателя [3, с. 11-12].

Кроме полномочий, указанных в определении понятия «начальник органа дознания» (дает поручения о производстве дознания и неотложных следственных действий), эти должностные лица вправе также в соответствии с положениями норм УПК РФ:

- 1) давать обязательные для исполнения указания дознавателю по производству следственных или иных процессуальных действий;
- 2) принимать решение о производстве дознания группой дознавателей, об изменении ее состава;
- 3) принимать решение о восстановлении утраченного уголовного дела либо его материалов;
- 4) утверждать обвинительный акт или обвинительное постановление дознавателя.

Кроме того, начальник органа дознания наделен всеми процессуальными полномочиями, предусмотренными УПК РФ для органа дознания.

На наш взгляд, является сомнительным полномочие начальника органа дознания по производству предварительного расследования. Трудно себе представить, чтобы, например, начальник ОВД или иного органа дознания либо его заместители, в обязанности которых входит административное руководство различными подразделениями, хотя бы изредка расследовал уголовное дело. Тем не менее, право на это у начальника органа дознания есть, и, думается, в случае возникновения необходимости, он вполне может провести дознание. Мы полагаем, при производстве дознания начальник органа дознания приобретает статус дознавателя и, руководствуясь нормами УПК РФ, производит необходимые следственные и иные процессуальные действия.

Выражая свое отношение к вопросу о производстве дознания начальником органа дознания, следует сказать, что это чистая теория. На практике реализация таких полномочий начальником органа дознания имеет единичный характер.

Полномочие начальника органа дознания по утверждению постановлений, вынесенных должностными лицами органа дознания, в том числе о возбуждении уголовного дела, в настоящее время является не настолько распространенным, в отличие от досудебного производства по УПК РСФСР. Это обусловлено в первую очередь тем, что по УПК РФ дознание и неотложные следственные действия, в большинстве случаев, проводят штатные дознаватели. Уголовно-процессуальное законодательство РФ не требует утверждения постановлений дознавателя и иных должностных лиц органа дознания, за исключением случаев, прямо предусмотренных УПК РФ. Однако в практической деятельности дознавателей ряда органов внутренних дел постановления о возбуждении уголовного дела утверждались начальниками органа дознания и после вступления в силу УПК РФ. На этот факт указывается и в юридической литературе [9, с. 15, 19].

Процессуальный контроль в отношении дознавателя, имеющий то же назначение, что и процессуальный контроль руководителя следственного органа, реализуется начальником органа дознания в процессуальных формах и состоит в руководстве процессуальной деятельностью дознавателя или другого должностного лица, непосредственно выполняющего функции органа дознания. Вместе с тем, по мнению Г.П. Химичевой, представляется сложным определить субъектов такого контроля, поскольку в п. 17 ст. 5 УПК РФ начальник органа дознания весьма абстрактно обозначен как должностное лицо органа дознания, уполномоченное поручать производство дознания дознавателю и наделенное отдельными процессуальными полномочиями [10, с. 292].

Полагаем, что процессуальный контроль осуществляют начальники органов дознания, их заместители и начальники подразделений дознания. Однако после вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и реформы МВД России произошли изменения в структуре органов внутренних дел. Кто же теперь является начальником органа дознания?

При буквальном толковании ч. 1 ст. 40 УПК РФ следует, что в настоящее время органами дознания в системе МВД России являются органы внутренних дел и входящие в их состав территориальные и линейные управления, отделы (отделения) полиции. Об этом также говорится в ч. 14 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации [11]. Таким образом, органом дознания являются органы внутренних дел и полиция.

Согласно ч. 17 Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту РФ [12], руководитель территориального органа МВД России имеет трех заместителей: начальника полиции, начальника следственного управления (отдела) и заместителя по иным вопросам. В соответствии с указанной нормой, а также пп. «е» п. 1 и п. 4 Указа Президента от 1 марта 2011 г. № 250 подразделения дознания входят в состав полиции, начальник полиции является заместителем начальника органа внутренних дел, а значит, и заместителем начальника органа дознания [13].

Соответственно, начальник органа внутренних дел (начальник управления или отдела МВД по субъекту РФ, городу, району, на транспорте и т.д.) и его заместитель – начальник полиции – в настоящее время являются начальниками органа дознания в системе МВД России.

Представляется логичным в ст. 13 Закона «О полиции» ч. 2 дополнить п. 9 ч. 1 (ст. 13) и п. 8 и 9 ч. 1 ст. 12 и изложить в следующей редакции:

2. «Право осуществлять действия, предусмотренные пунктами 9, 20 и 21 части 1 настоящей статьи, а также пунктами 8 и 9 части 1 статьи 12 настоящего закона, предоставляется специально уполномоченным сотрудникам полиции».

Кроме того, ст. 13 предлагаем дополнить ч. 5 и 6:

5. «Полиция является органом дознания. Начальник полиции – начальник органа дознания.

6. Полномочия органа дознания, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации и настоящим законом, возлагаются начальником органа внутренних дел или начальником полиции на подчиненных сотрудников, обладающих надлежащей компетенцией».

Таким образом, начальник органа дознания является его руководителем, однако свои полномочия по контролю за процессуальной деятельностью дознавателей в полном объеме, в том числе по утверждению обвинительного акта (обвинительного постановления), следует передать (делегировать) начальнику подразделения дознания.

В органах дознания, в которых не предусмотрены штатным расписанием должности начальников подразделений дознания, свои процессуальные полномочия (утверждение обвинительного акта и др.), в виде исключения, будет осуществлять сам начальник органа дознания. Полномочие по продлению срока рассмотрения сообщения о преступлении до 10 суток по ходатайству иного сотрудника органа дознания и утверждение вынесенного им постановления о возбуждении уголовного дела целесообразно сохранить за начальником органа дознания.

В целях совершенствования норм УПК РФ и их единообразного толкования правоприменителями необходимо поддержать мнение ученых, которые предлагают полномочия начальника органа дознания перечислить в отдельной статье УПК РФ, так как в настоящее время указанный пробел законодательства восполняется ведомственными нормативными актами [1, 2, 5, 7, 8 и др.].

Следует отметить, что предложения обозначить полномочия начальника органа дознания в отдельной статье высказывались многими авторами, однако только единицы предпринимали попытки предложить соответствующий проект статьи [3, 6].

На основании вышеизложенного нами предлагается проект ст. 40² УПК РФ в следующей редакции:

«Статья 40². Начальник органа дознания

1. Начальник органа дознания осуществляет процессуальное руководство и контроль за законностью производства процессуальных действий сотрудниками органа дознания.

2. Начальник органа дознания в зависимости от компетенции органа дознания уполномочен:

1) поручать дознавателю, начальнику подразделения дознания или иному должностному лицу органа дознания проверку сообщения о преступлении, принятие по нему решения в порядке, установленном статьей 145 настоящего Кодекса, а также выполнение неотложных следственных и иных процессуальных действий;

2) проверять материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела;

3) поручать начальнику подразделения дознания или дознавателю производство дознания;

4) отменять незаконные или необоснованные постановления начальника подразделения дознания, дознавателя или иного должностного лица органа дознания;

5) изымать уголовное дело у дознавателя и передавать его другому дознавателю с обязательным указанием оснований такой передачи;

6) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, о производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения, которые подлежат обязательному приобщению к уголовному делу;

7) лично проводить проверку сообщения о преступлении;

8) продлевать по мотивированному ходатайству дознавателя или иного должностного лица органа дознания срок рассмотрения сообщения о преступлении до 10 суток;

9) давать согласие дознавателю, производившему дознание, на обжалование в порядке, установленном частью 4 статьи 41 настоящего Кодекса, решение прокурора, принятого в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 226 настоящего Кодекса;

10) принимать решение о восстановлении уголовного дела;

11) утверждать обвинительный акт, обвинительное постановление;

12) осуществлять иные полномочия, предоставленные настоящим Кодексом начальнику органа дознания, в том числе полномочия начальника подразделения дознания.

3. В случаях, предусмотренных пунктами 4-5, 10 части 2 и части 7 настоящей статьи, начальник органа дознания выносит постановление.

4. Начальник органа дознания вправе возбудить уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом, принять уголовное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями дознавателя.

5. Полномочия начальника органа дознания, предусмотренные частями 2-4 настоящей статьи, могут быть возложены им на начальника подразделения дознания, которые распространяются в отношении подчиненных ему дознавателей.

6. Указания начальника органа дознания по уголовному делу даются в письменном виде и обязательны для исполнения дознавателем. Указания начальника органа дознания могут быть обжалованы прокурору. Обжалование указаний не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, когда указания касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому дознавателю, квалификации преступления, избрания меры пресечения, а также направления уголовного дела в суд либо его прекращения. При этом дознаватель вправе представить прокурору материалы уголовного дела и письменные возражения на указания начальника органа дознания.

7. Начальник органа дознания вправе рассмотреть обжалуемое дознавателем письменное указание начальника подразделения дознания, данное им в порядке части 4 статьи 40¹ настоящего Кодекса. По результатам рассмотрения жалобы начальник органа дознания принимает незамедлительно, а если это невозможно, то в срок не позднее трех суток одно из следующих решений:

1) об отказе в удовлетворении жалобы дознавателя;

2) об удовлетворении жалобы дознавателя и отмене незаконного или необоснованного указания начальника подразделения дознания.

8. В случае, предусмотренном частью 7 настоящей статьи, начальник органа дознания возвращает уголовное дело с мотивированным постановлением и письменными указаниями дознавателю или начальнику подразделения дознания».

Соответственно, ст. 37 УПК РФ требуется дополнить ч. 7:

«7. В случае обжалования дознавателем письменных указаний начальника органа дознания, начальника подразделения дознания или прокурора, данных ему в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, прокурор, а в случае обжалования указаний прокурора – вышестоящий прокурор, рассматривает материалы уголовного дела и представленные письменные возражения дознавателя.

По результатам рассмотрения жалобы прокурор принимает незамедлительно, а если это невозможно, то в срок не позднее трех суток одно из следующих решений:

- 1) об отказе в удовлетворении жалобы дознавателя;
- 2) об удовлетворении жалобы дознавателя и отмене незаконного или необоснованного указания».

В заключение следует отметить, что в теории уголовного процесса проблема понятия и статуса начальника органа дознания остается нерешенной.

Представляется целесообразным полномочия начальника органа дознания изложить в отдельной статье УПК РФ, а в ведомственных нормативных правовых актах определить ограниченный перечень должностных лиц, которым он может делегировать полномочия органа дознания, в том числе и свои полномочия.

Литература

1. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Калинин В.Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 г. // Государство и право. 2008. № 6.
2. Гришин Д.А. К вопросу о совершенствовании производства дознания // Российский следователь. 2008. № 1.
3. Дядченко А.А. Правовое положение начальника органа дознания в российском уголовном судопроизводстве: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
4. Есина А.С. Дознание. М., 2005.
5. Кругликов А.П. Следователь и начальник органа дознания: проблемы правового положения и взаимодействия // Российская юстиция. 2006. № 6.
6. Ларкина Е.В. Руководитель органа дознания и его полномочия (на примере органов внутренних дел) // Право и государство: теория и практика. 2009. № 4.
7. Малышева О.А. К вопросу об уголовно-процессуальном статусе дознания // Российский судья. 2004. № 5.
8. Мичурина О.В. Некоторые замечания о системе органов дознания и необходимости ее совершенствования // Законодательство. 2007. № 2.
9. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России: учеб. пособие / рук. авт. кол. К.В. Муравьев. Омск, 2009.
10. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003.
11. Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 2 марта.
12. Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 249 «Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 2 марта.
13. Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции» // Российская газета. 2011. 2 марта.

УДК 343.575

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ СО СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Мария Викторовна Серебрянникова, старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail:ms050307@mail.ru

В статье анализируются нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего правоотношения на стадии возбуждения уголовного дела; рассматриваются некоторые особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным со сбытом наркотических средств; подчеркивается значимость законодательных нововведений для проведения качественной предварительной проверки сообщений о фактах сбыта наркотических средств.

Ключевые слова: сбыт наркотических средств; возбуждение уголовного дела; предварительная проверка сообщения о преступлении.

FEATURES OF INITIATION OF THE CRIMINAL CASE ON THE CRIMES CONNECTED WITH SALE OF DRUGS

Maria Victorovna Serebryannikova, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation *Kandidat nauk* degree in Law

In the article are analyzed the rules of the existing criminal procedure legislation regulating legal relationship at the stage of initiation of the criminal case; considered some features of initiation of the criminal cases on the crimes connected with sale of drugs; emphasized the importance of legislative innovations for carrying out high-quality preliminary verification of the statement about the facts of sale of drugs.

Keywords: sale of drugs; initiation of the criminal case; preliminary verification of the statement about a crime.

В настоящее время наркоситуация в Российской Федерации продолжает оставаться крайне тяжелой и характеризуется масштабным немедицинским потреблением высококонцентрированных наркотиков, таких как героин, дезоморфин, стимуляторы амфетаминового ряда, а также лекарственных препаратов, обладающих психотропным действием на организм человека. Кроме того, увеличение количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в крупных городах и приграничных регионах страны, а также совершение значительного количества преступлений в состоянии наркотического опьянения руководством страны относится к основным источникам угроз общественной безопасности. При этом обеспечение общественной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации [4].

По данным Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, количество официально зарегистрированных потребителей наркотиков по состоянию на 1 января 2012 г. составило 655 005 человек. Диагноз «наркомания» поставлен 445 723 лицам, а по экспертным оценкам, их более 2,5 млн человек [6].

Сложной продолжает оставаться обстановка и в Дальневосточном регионе. Так, например, несмотря на то, что на протяжении последних нескольких лет в Хабаровском крае уменьшается количество лиц, больных наркологическими расстройствами, регион по-прежнему входит в число субъектов Российской Федерации, в которых такой критерий, как уровень распространенности наркомании, является выше среднего российского показателя. Только в течение 2012 г. специализированными наркологическими учреждениями Хабаровского края зарегистрировано 26 472 больных наркологическими расстройствами (2011 г. – 27 954; 2010 г. – 29 261). В число указанных лиц входят как больные с диагнозом «наркомания», так и страдающие другими наркологическими заболеваниями (алкоголизм, токсикомания и т.д.). В 2010-2012 гг. основную часть больных наркоманией составляли потребители наркотиков опийной группы (2011 г. – 2710 чел., 2012 г. – 2733 чел.). При этом в структуре героиновых наркологических больных 75-76 % – это лица в возрасте 20-39 лет, из них примерно 23-24 % составляют женщины [1].

Естественно, официальные данные не отражают полной картины наркоситуации ни в стране в целом, ни в отдельно взятом ее регионе. Одной из общеизвестных причин такого положения является латентный характер значительного числа деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Несмотря на то, что государством предпринимается значительное количество профилактических мер по предупреждению наркомании, правоохранительными органами перекрываются устойчивые каналы поставок и сетей распространения наркотических средств, изымается внушительный объем наркотиков и их сочетаний, искоренить данную проблему в настоящее время не представляется возможным.

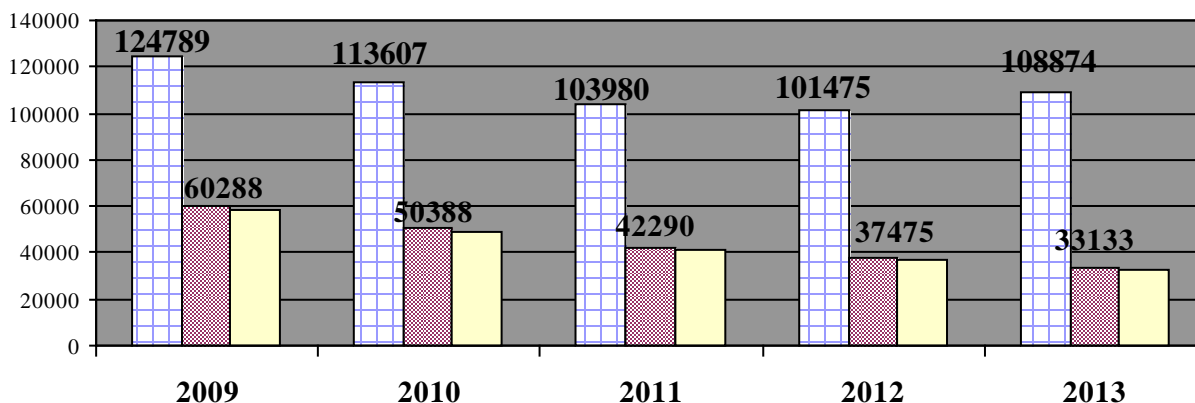
Одной из причин, препятствующих противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, является увеличение объемов их незаконного сбыта, который осуществляется хорошо законспирированными способами. В то же время вызывает особую тревогу увеличение объемов распространения наркотических средств и психотропных веществ как вблизи, так и в самих общеобразовательных учреждениях: школах, профессиональных технических училищах, лицеях, институтах, университетах и т.д. Кроме того, значительное количество наркотических средств сбывается на объектах железнодорожного транспорта, а также в местах, предназначенных для развлечения молодежи.

Мерой реагирования государства на указанные обстоятельства явилось внесение законодателем изменений в ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ, которые предусматривают наступление уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательной организации, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга [8].

Анализ статистических данных, официально опубликованных Министерством внутренних дел Российской Федерации, свидетельствует о том, что несмотря на увеличение количества выявленных и зарегистрированных фактов незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ в 2013 г., раскрываемость преступлений данной категории имеет устойчивую тенденцию к снижению. Так, если в 2009 г. было раскрыто более 48 % зарегистрированных фактов незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, то в 2013 г. удельный вес таковых составил около

31 %. При этом не все уголовные дела, возбужденные по фактам незаконного сбыта наркотиков, были направлены в суд, а виновные привлечены к уголовной ответственности.

Количество зарегистрированных и раскрытых сбытов наркотических средств и психотропных веществ на территории Российской Федерации с 2009 по 2013 г. [7].

- ▣ всего зарегистрировано фактов сбыта наркотических средств и психотропных веществ
- ▨ всего раскрыто преступлений данного вида
- всего направлено в суд

Сложность расследования незаконного сбыта наркотических средств обуславливается в первую очередь спецификой самого расследования данного вида преступлений. Такие обстоятельства, как изоэтрность и разнообразие способов и механизмов и самих действий по сбыту и действий по сокрытию следов совершения преступления, групповой характер преступных деяний и их многоэпизодность, а также ряд других факторов порождают определенные трудности, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов. В связи с этим значительное число подобных фактов не находит своего правового разрешения еще на стадии возбуждения уголовного дела.

Одна из характерных особенностей раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, заключается в том, что этапы выявления, раскрытия и фиксации фактов передачи наркотика требуют повышенного профессионализма от сотрудников правоохранительных органов, особенно от сотрудников органов дознания, которые уполномочены на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Малейшие упущения, недочеты в документах и нарушения закона в действиях сотрудников правоохранительных органов отрицательно сказываются на результатах рассмотрения поступивших заявлений или сообщений о фактах незаконного сбыта наркотических средств, что приводит к отказам в возбуждении уголовного дела и соответствующим правовым и социальным последствиям.

В то же время успешное расследование уголовных дел, связанных с незаконным сбытом наркотиков, во многом зависит от своевременного возбуждения уголовного дела, эффективного использования на этой стадии компетентными должностными лицами полномочий, предоставляемых действующим законодательством.

Информация о подготавливаемых, совершенных или совершаемых фактах сбыта наркотических средств может поступить в правоохранительные органы из совершенно разных источников:

- из сообщений граждан об известных им случаях потребления наркотиков в определенном месте;

- из оперативных данных органов дознания о фактах незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ;
- при личном обыске лица, задержанного с наркотическим средством и психотропным веществом во время продажи, приобретения, хранения, при перевозке или других операций с наркотиками;
- при таможенном досмотре лиц и багажа;
- при личном досмотре лиц, задержанных в административном порядке;
- по материалам ревизии или аудиторской проверки;
- в результате проведения обыска в жилом или рабочем помещении;
- при обнаружении наркотических средств в почтовых отправлениях;
- из сообщений различных учреждений, организаций, предприятий;
- из публикаций в печати и других средствах массовой информации;
- из явки с повинной;
- в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий при расследовании иных эпизодов преступной деятельности лиц и т.д.

Однако, несмотря на источник информации о фактах сбыта наркотических средств, для принятия решения о возбуждении уголовного дела по соответствующей части ст. 228.1 УК РФ органы предварительного расследования должны руководствоваться требованиями УПК РФ. При этом часть 1 ст. 146 УПК РФ определяет, что только при наличии повода и основания орган дознания или следователь вправе возбудить уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление. Поводы для возбуждения уголовного дела законодателем прямо предусмотрены в ч. 1 ст. 140 УПК РФ: заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, либо постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

В то же время анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что поводом для возбуждения уголовного дела по фактам сбыта наркотических средств в большинстве случаев выступает сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Это, как правило, информация органов дознания, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, оформленная в виде рапорта о непосредственном обнаружении ими фактов незаконных действий с наркотиками либо факте задержания лица, подозреваемого в их совершении.

Исходя из ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела по факту сбыта наркотических средств является наличие фактических данных, которые содержатся в процессуальных документах и подтверждают информацию, указанную в заявлении или сообщении о преступлении, а также свидетельствуют о наличии в событии признаков состава преступления или об отсутствии обстоятельств, исключающих производство предварительного расследования по делу. Следовательно, только в случае, когда следователю очевидны все признаки совершенного или готовящегося преступления и установлены все обстоятельства о событии, имеющем признаки преступления, он вправе принять решение о незамедлительном возбуждении уголовного дела. В то же время преждевременное возбуждение уголовных дел при отсутствии достаточных оснований для принятия подобного решения (как например, неустановление предмета преступления, его наименования, других качественных и количественных характеристик) влечет за собой принятие решения о прекращении уголовного дела.

Частью 1 ст. 144 УПК РФ установлено, что дознаватель, орган дознания, следователь обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

Таким образом, в случаях, когда органами предварительного расследования получена информация о преступлении и при производстве первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий следователь или дознаватель убеждаются о наличии в конкретном случае всех признаков определенного состава преступления, то уголовное дело должно быть немедленно возбуждено и по нему сразу же должно быть начато расследование. Промедление в данном случае с решением о возбуждении уголовного дела может привести к утрате вещественных доказательств, уничтожению заинтересованными лицами следов преступления, к неустановлению лица, совершившего преступление, и т.д.

Однако в связи с тем, что не всегда исходная информация достаточна или содержит сведения об отдельных признаках состава преступления, значительная доля уголовных дел возбуждается только после проведения предварительной проверки. В зависимости от сложившейся ситуации, от объема имеющейся и недостающей информации, от объема проведения неотложных следственных действий длительность предварительной проверки может составлять не более трех суток.

Положительным шагом в данном направлении явилось внесение законодателем в марте 2013 г. изменений в уголовно-процессуальное законодательство, значительно расширяющих перечень полномочий, которыми органы предварительного расследования вправе воспользоваться при проверке сообщения о преступлении [9]. Таким образом, в настоящее время органы предварительного расследования в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении вправе:

- получать объяснения;
- получать образцы для сравнительного исследования;
- истребовать документы и предметы;
- изымать документы и предметы в порядке, установленном УПК РФ;
- назначать судебную экспертизу;
- принимать участие в производстве судебной экспертизы;
- получать заключение эксперта в разумный срок;
- производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов;
- производить освидетельствование;
- требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов;
- привлекать специалистов к участию в производстве документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов;
- давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В то же время с вступлением в силу указанных изменений у органов предварительного расследования появилась реальная возможность уже на этапе предварительной проверки собрать как можно больше информации, которая в дальнейшем, согласно ч. 1² ст. 144 УПК РФ, может быть использована в качестве доказательств по уголовному делу.

На наш взгляд, указанные нововведения положительным образом отразятся на качестве, объеме и результатах предварительной проверки сообщений о преступлениях, подтверждающих наличие или отсутствие в действиях лица признаков преступления для принятия решения о возбуждении уголовного дела, в том числе по сообщениям о сбыте наркотических средств.

Кроме того, полагаем, что предоставленные органам предварительного расследования возможности будут способствовать искоренению волокиты, которая нередко прослеживается при расследовании уголовных дел, поскольку информация, полученная в ходе предварительной проверки, обязательно проверялась путем проведения следственных действий уже после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В то же время уголовно-процессуальное законодательство четко определяет, что в тех случаях, когда информация о преступлении недостаточна и невозможно сразу выявить признаки преступления, то по мотивированному ходатайству следователя, дознавателя, на основании ч. 3 ст. 144 УПК РФ, срок предварительной проверки может быть продлен руководителем следственного органа, начальником органа дознания соответственно до 10 суток.

Учитывая специфику и сложность расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в том числе и незаконного их сбыта, положительным нововведением, на наш взгляд, стало внесение тем же федеральным законом изменений в ст. 144 УПК РФ относительно возможности продления сроков предварительной проверки. Так, согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ, при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления [9].

Следует отметить, что наиболее распространенными причинами для проведения предварительной проверки сообщений о выявленных фактах сбыта наркотических средств, в том числе и для продления сроков ее проведения, может послужить ряд оснований, как, например, либо невозможность проведения предварительного исследования или судебной экспертизы с целью установить, является ли обнаруженное и изъятое вещество наркотическим, к какому виду оно относится, каков его размер (в силу ряда причин – отдаленность, сложный химический состав и т.д.), либо невозможность опросить лиц, владеющих какой-либо значимой информацией, либо неготовность заключения специалиста или эксперта по назначенным исследованиям или экспертизам соответственно.

Предварительная проверка играет важную роль в установлении истины по конкретному событию, поэтому следователь на данном этапе должен принимать тактические решения об объеме ее производства и методах, которые будут при этом использоваться. Весьма сложная часть работы следователя на данном этапе должна быть отведена тесному и эффективному взаимодействию органов предварительного расследования с органами дознания, особенно с оперативными работниками.

Поскольку преступления, связанные с незаконным сбытом наркотических средств, нередко совершаются в условиях неочевидности, их выявление довольно часто осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, значительное количество поступающих в суды уголовных дел в отношении лиц, обвиняемых в сбыте наркотических средств, возбуждается в результате оперативно-розыскных мероприятий (преимущественно проверочных закупок) [5].

Проведение проверочных закупок представляет собой одно из наиболее эффективных способов, используемых оперативными работниками в целях проверки оперативной информации по фактам сбыта наркотических средств. Как правило, данное оперативно-розыскное мероприятие проводится в тех случаях, когда сотрудники правоохранительных органов имеют какую-либо оперативную информацию о лицах, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств, однако не располагают достаточными данными для привлечения лиц к уголовной ответственности.

Основания, порядок и условия проведения проверочной закупки и иных оперативно-розыскных мероприятий регламентируются Федеральным законом РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [10]. Однако в любом случае проведение оперативно-розыскных мероприятий нуждается в тесном взаимодействии между следователем и оперативными сотрудниками, поскольку докумен-

тальное оформление результатов их проведения является в дальнейшем основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Кроме того, органы дознания вправе производить задержание лиц, сбывающих или приобретающих наркотические средства. При этом под задержанием в данном случае следует понимать захват заподозренного или проверяемого лица и доставление его в правоохранительные органы, которые предшествуют задержанию в процессуальном смысле, то есть в порядке ст. 91 УПК РФ.

Для более эффективного взаимодействия и достижения поставленной цели проведение оперативно-розыскных мероприятий и процесс задержания должны тщательно планироваться сотрудниками органов дознания и, по возможности, согласовываться со следователем, особенно при выборе времени возможного задержания сбытчика с личным. В случаях, когда планируется задержать группу лиц, желательно также согласовывать и очередность задержания, поскольку, учитывая имеющиеся оперативные данные о противоправной преступной деятельности лиц, следователь может выбрать и запланировать наиболее приемлемые тактические приемы допросов всех членов группы и запланировать ход дальнейшего расследования выявленного преступления. Кроме того, обмениваясь информацией, следователь может дать ряд советов или консультаций по вопросам изъятия и закрепления обнаруженных следов преступления в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Следует заметить, что проведение оперативно-розыскных мероприятий нередко осуществляется без применения технических средств. Однако мы убеждены, что использование аудио-, фото- или видеозаписи в зависимости от обстоятельств и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий будет способствовать получению и закреплению более широкой и достоверной доказательственной базы. Кроме того, использование подобных возможностей затруднит задержанным впоследствии выдвигать различные версии защиты о происхождении изъятых у них денег или наркотиков, в том числе версии о провокационном характере состоявшейся сделки. При этом вопросы о провокационном характере действий сотрудников правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также вопросы отграничения провокации от допустимого поведения в последние несколько лет являются предметом многих судебных рассмотрений и острых дискуссий в научной среде [2, 3 и др.].

В то же время, учитывая то, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, нередко нарушаются конституционные права граждан, поэтому и особое внимание органов предварительного расследования на этапе предварительной проверки сообщения о факте сбыта наркотических средств должно быть уделено проверке законности их проведения, особенно с участием представителей общественности, а также, учитывая снижение в настоящее время возраста лиц, потребляемых наркотики, законности проведения оперативно-розыскных мероприятий с участием несовершеннолетних, которые, согласно ст. 17 Федерального закона об ОРД, могут привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с их согласия.

Таким образом, возбуждение уголовных дел по результатам проведенных оперативно-розыскных мероприятий требует от следователя отличного знания Конституции РФ, уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, а также рекомендаций по организации и проведению оперативно-розыскных мероприятий.

Следует заметить, что нередко на этапе предварительной проверки информации о факте сбыта наркотических средств возникает вопрос об объеме сведений, которые необходимо собрать для принятия законного решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. Данный вопрос остается дискуссионным уже значительное время. В любом случае, в результате проведенной предварительной проверки у следователя должно быть достаточно оснований для принятия решения о возбуждении уго-

ловного дела. Все основания должны быть отражены в соответствующих документах. Как минимум, это:

- рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный в соответствии со ст. 143 УПК РФ;
- рапорт работника полиции о фактическом задержании лица, заподозренного в незаконном сбыте наркотических средств;
- протокол личного досмотра задержанного лица (сбытчика, покупателя и т.д.) и досмотра их вещей;
- протокол изъятия образцов для сравнительного исследования (например, у задержанного могут быть получены смывы с ладоней рук в целях установления его причастности к совершению преступления);
- объяснение задержанного (доставленного) лица;
- акт медицинского освидетельствования задержанного лица;
- направление на предварительное экспертное исследование либо постановление о назначении судебной экспертизы;
- справка эксперта-химика о результатах предварительного исследования либо справка о результатах произведенного экспресс-анализа изъятых наркотических средств, либо заключение эксперта;
- протокол осмотра места происшествия;
- объяснения лиц, присутствовавших при задержании, понятых и других свидетелей, а также лиц, которые принимали участие в проведении оперативно-розыскного мероприятия;
- справка из медицинского учреждения о нахождении лица на учете по поводу потребления наркотических средств или психотропных веществ;
- характеристика по месту работы, местожительства задержанного (подозреваемого) в совершении преступления, связанного со сбытом наркотических средств;
- обнаруженное и изъятые наркотическое средство, с обязательным указанием его количества (массы, веса), упакованное должным образом;
- изъятые у задержанного лица предметы и вещи, как, например, денежные средства, смывы и т.п.

В случаях, когда поводом для возбуждения уголовного дела служит рапорт сотрудника об обнаружении признаков состава преступления, которое было выявлено в результате проведения проверочной закупки, то указанный выше перечень документов должен быть дополнен такими документами, как, например, заявление от лица о согласии на участие в проверочной закупке (в котором ему так же разъясняется о недопущении провокационных действий в отношении сбытчика наркотиков); постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка»; акт досмотра лица, участвующего в оперативно-розыскном мероприятии («закупщика»), с отражением в нем того факта, что у «закупщика» отсутствуют при себе предметы или вещества, относящиеся к категории наркотических средств (психотропных веществ); протокол вручения денежных купюр лицу, непосредственно осуществляющему проверочную закупку (в нем описываются ход и результаты осмотра и пометки денежных купюр специальным химическим веществом в присутствии представителей общественности, которые предполагается использовать для проведения проверочной закупки, достоинство купюр, их серии и номера) и т.д.

В зависимости от сложившейся ситуации данный перечень может быть дополнен и другими документами.

Следователь, получив от сотрудников органов дознания материалы оперативно-розыскного мероприятия, должен проверить соблюдение условий его проведения, не были ли нарушены права и свободы участвующих в нем лиц. Только после анализа полученной информации следователь может прийти к выводу о наличии или отсутствии в

действия лица признаков преступления, связанного со сбытом наркотиков, и принять решение о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, следует отметить, что расследование преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ, имеет свои специфические особенности, в силу чего у следователей и у оперативных работников возникает немало трудностей. Поэтому знание норм действующего законодательства, применение наиболее эффективных приемов тактики и методики расследования и, как следствие, качественно проведенная предварительная проверка поступившей информации о фактах сбыта минимизируют проблемы, связанные с квалификацией преступных действий виновных лиц, с анализом и оценкой сложившейся следственной ситуации, с проверкой выдвигаемых версий защиты, а также с планированием и организацией дальнейшего расследования.

Литература

1. Доклады Регионального управления ФСКН России по Хабаровскому краю о наркоситуации в Хабаровском крае за 2010-2012 гг. // Официальный сайт Регионального управления ФСКН России по Хабаровскому краю. URL: <http://www.27.fskn.gov.ru/> (дата обращения: 22.01.2014).
2. Зенкин А.Н., Бондаренко О.В. Критерии провокации незаконного сбыта наркотиков в решениях Европейского суда по правам человека // Законность. 2013. № 9.
3. Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний: монография. М.: Статут, 2011.
4. Концепция общественной безопасности, утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://news.kremlin.ru/acts/19653> (дата обращения: 22.01.2014).
5. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.
6. Официальный сайт ФСКН Российской Федерации. URL: <http://fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml> (дата обращения: 22.01.2014).
7. Состояние преступности за 2009-2013 гг. // Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 22.01.2014).
8. Федеральный закон от 1 марта 2013 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012. 6 марта.
9. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 6 марта.
10. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

УДК 343.985.7

СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАСКРЫТИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННЫМИ ПРЕСТУПНЫМИ ГРУППАМИ И СКРЫТЫХ ИНСЦЕНИРОВКАМИ

Максим Евгеньевич Степанов, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: mstep71@mail.ru

В статье рассматриваются особенности судебных экспертиз и их роль в раскрытии и расследовании убийств, совершенных организованными преступными группами, скрытых инсценировками.

Ключевые слова: судебная экспертиза; убийство; организованная преступная группа; инсценировка; негативные обстоятельства.

FORENSIC SOLVE THE MURDER, ORGANIZED CRIME SYNDICATE AND HIDDEN DRAMATIZATIONS

Maxim Evgenyevich Stepanov, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article discusses the features of forensic examinations and their role in the detection and investigation of murders committed by organized criminal groups, hidden staged incidents.

Keywords: forensics; murder; organized crime group; dramatization; negative circumstances.

Анализ судебно-следственной практики противодействия организованной преступности показывает, что назначение и производство судебных экспертиз выступает значительным фактором, позволяющим прийти к обоснованному выводу о том, что на вид некриминальное событие – это на самом деле замаскированное убийство, совершенное членами ОПГ. По своей сути судебная экспертиза выступает логическим продолжением в цепи следственных и процессуальных действий, начало которых положено осмотром места происшествия. Согласимся с мнением Р.В. Зайцева о том, что результаты экспертиз в большинстве своем способствуют расследованию и раскрытию преступлений и направлены на решение идентификационных, диагностических и классификационных задач [5, с. 119].

Специфика производства рассматриваемых нами экспертиз во многом обусловлена характерными чертами, свойственными деятельности ОПГ. Наряду с этим экспертизы, осуществляемые в процессе разоблачения и нейтрализации инсценировок как способа сокрытия убийств, совершенных ОПГ, имеют присущие только им особенности. Это обстоятельство определено прежде всего нестандартным способом сокрытия рассматриваемого вида преступлений. Природа инсценировки подразумевает совершение убийства в условиях неочевидности, что влечет за собой скудность исходной информации, в большинстве случаев отсутствие полной картины механизма преступления. В рамках настоящей статьи попытаемся выделить некоторые специфические моменты, возникающие при назначении и производстве судебных экспертиз, на которые необходимо обращать внимание при выявлении и раскрытии убийств, совершенных членами ОПГ и скрытых инсценировками.

Полагаем, что непосредственные задачи, стоящие перед судебными экспертами, проводимыми в рамках раскрытия и расследования данной категории убийств, обу-

словлены особенностями механизма преступления. Такими задачами, по нашему мнению, являются:

- установление факта сокрытия совершенного убийства инсценировкой;
- установление причастности к убийству организованной преступной группы;
- установление причастности к совершению преступления конкретных ее членов.

Значение судебных экспертиз в рамках исследуемой проблематики трудно переоценить. Именно в процессе анализа их результатов формируется представление о механизме происшедшего события, что, в свою очередь, служит основанием для выдвижения версий. Тем самым делается шаг к разрешению одной из самых главных проблем расследования данного вида преступлений – отмеченной нами выше информационной неопределенности.

Диапазон назначаемых экспертиз по делам рассматриваемой категории многообразен и зависит от конкретной ситуации. Например, следственными органами СК по Оренбургской области в рамках расследования только лишь одного уголовного дела в отношении участников ОПГ, совершавших убийства граждан и скрывавших преступления инсценировками, назначено производство более 100 судебных экспертиз. Наиболее сложными из них были молекулярно-генетические, которые продолжались около 6 месяцев [4]. Разумеется, при этом вопросы, которые следователь выносит на рассмотрение экспертов, определяются объемом имеющейся информации и возможностями экспертных подразделений.

Одно из главных мест в перечне назначаемых и проводимых экспертиз по праву занимает судебно-медицинская экспертиза трупа. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, назначение и производство судебно-медицинской экспертизы для установления причин смерти имеет обязательный характер. Скорейшее проведение судебно-медицинской экспертизы позволяет установить, какое событие могло на самом деле иметь место: убийство, самоубийство, несчастный случай или смерть в результате заболевания.

Вопросы, разрешаемые судебно-медицинским экспертом, условно можно разделить на два основных блока. К первому блоку относится круг вопросов обязательного характера. Это вопросы, которые выносятся следователем во всех случаях назначения судебно-медицинской экспертизы трупа. Ответы на них позволяют моделировать картину происшедшего события в целом. Перечень указанных вопросов подробно освещен в криминалистической литературе [7]. К ним можно отнести вопросы, касающиеся установления причины и давности наступления смерти; характера, очередности и механизма образования повреждений на трупе, их соответствия повреждениям на одежде; индивидуальных особенностей орудия, нанесшего повреждения; возможности их нанесения собственной рукой; возможности потерпевшего, исходя из полученных повреждений, совершать какие-либо действия; признаков посмертного перемещения или изменения позы трупа; наличия на теле жертвы следов инъекций, а в крови следов алкогольного или наркотического опьянения и т.д. Следует заметить, что представленные вопросы имеют вероятностный характер, их круг может подлежать расширению или изменению в зависимости от сложившейся следственной ситуации.

Ко второму блоку относятся вопросы, формулировка которых исходит из закономерностей предполагаемого вида инсценировки. Их можно обозначить как частные, или специальные. Ответ на них позволяет не только обосновать или, наоборот, опровергнуть версию об имевшей место инсценировке, но и установить конкретные обстоятельства наступления смерти, воссоздать механизм совершения и сокрытия преступления.

Так, при отработке версии об инсценировке самоповешения для детализации происшедшего события необходимо поставить следующие частные вопросы:

- сдавлена ли шея потерпевшего петлей при жизни или после наступления смерти?

– имеются ли на теле потерпевшего иные, кроме странгуляционной борозды, повреждения?

– однократно или многократно осуществлялось сдавливание шеи потерпевшего?

– соответствует ли форма странгуляционной борозды характеру петли, обнаруженной на шее трупа?

– имеются ли на лице трупа признаки, свидетельствующие о закрытии отверстий рта и носа до повешения?

– имеются ли на шее трупа повреждения, характерные для удавления руками?

При выдвигении версии об инсценировке самоубийства либо несчастного случая с применением огнестрельного оружия круг вопросов будет следующим:

– являются ли повреждения, обнаруженные на трупе, огнестрельными, какова их локализация и степень тяжести?

– из какого вида, типа, модели оружия причинены повреждения, обнаруженные на трупе?

– каково расположение входного и выходного ранений и направление раневого канала?

– имеются ли на трупе следы близкого выстрела?

– какова дистанция выстрела?

– какова последовательность повреждений и которое из них послужило причиной наступления смерти?

При проверке версии об инсценировке самоубийства с помощью холодного оружия перечень частных вопросов может быть следующим:

– нанесены ли повреждения, обнаруженные на трупе, орудием, обнаруженным на месте происшествия и представленным на экспертизу?

– могли ли быть повреждения, в том числе вызвавшие наступление смерти, причинены самим потерпевшим?

– нет ли признаков, указывающих на то, что повреждения, обнаруженные на трупе, в том числе вызвавшие наступление смерти, были нанесены левой (правой) рукой?

В целях разоблачения инсценировки самоубийства или несчастного случая, связанного с падением потерпевшего с большой высоты, на рассмотрение судебно-медицинского эксперта ставятся следующие вопросы:

– имеются ли на трупе повреждения, характерные для падения с высоты (если имеются конкретные сведения о возможной высоте падения, то вопрос детализируется: с высоты собственного роста или с балкона 9 этажа)?

– не являются ли указанные повреждения посмертными, то есть возникшими после сбрасывания трупа с высоты?

– имеются ли на трупе повреждения, образовавшиеся до падения потерпевшего с высоты?

– в каком положении мог находиться потерпевший при ударе в результате падения?

Для более качественного и эффективного проведения судебно-медицинской экспертизы трупа в распоряжение эксперта, по согласованию с ним, рекомендуется представлять имеющиеся вещественные доказательства и документы. Данные объекты могут быть получены в рамках оперативно-тактической комбинации при проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, освидетельствование, обыск, выемка.

Наряду с судебно-медицинской экспертизой трупа существенную помощь в распознавании инсценировки оказывает производство других видов экспертиз. Например, в процессе отработки версии об инсценировке самоубийства или несчастного случая с применением огнестрельного оружия назначается судебно-баллистическая экспертиза. Ее результаты позволят установить такие значимые для расследования факты, как пригодность оружия для стрельбы; соответствие его калибра диаметру раневого канала;

идентичность снаряда, выстрелянного из оружия в ходе экспертного исследования, со снарядом, обнаруженным при осмотре; идентичность по групповым признакам дроби (картечи), извлеченной из трупа, дроби (картечи) в снаряженных патронах, принадлежащих потерпевшему; возможность производства выстрела без нажатия на спусковой крючок (например, при его падении) и т.д.

Большое значение при доказывании факта причастности к убийству, совершенному с помощью огнестрельного оружия, членов ОПГ имеет обнаружение продуктов выстрела на руках и одежде задержанных. Для этого необходимо назначение и производство химико-баллистической экспертизы. В распоряжение эксперта предоставляются смывы с рук и одежда подозреваемых.

Проведенный анализ практики расследования убийств рассматриваемой категории не выявил случаев, когда члены ОПГ для подкрепления версии о самоубийстве оставляли на месте происшествия предсмертные записки, якобы написанные потерпевшим. Однако полностью исключать вариант подобных действий было бы неверным. Для установления подлинности текста записки обязательно назначение почерковедческой экспертизы. Основным в данном случае будет являться вопрос: выполнен ли текст записки самим потерпевшим либо иным лицом? Но не следует забывать, что текст может быть выполнен и самим потерпевшим под воздействием угроз, обманом путем или же ранее, не в связи с расследуемым событием.

Назначение и производство дактилоскопических и трасологических экспертиз позволяют доказать факт нахождения на месте происшествия посторонних лиц, определить их количество, механизм действий и в ряде случаев идентифицировать конкретных участников группировки.

Криминалистическая экспертиза веществ и материалов может установить природу и доказать тождество материальных объектов, обнаруженных при осмотре места происшествия, с аналогичными объектами, изъятыми в ходе обысков у подозреваемых членов ОПГ. Тем самым решаются как диагностические, так и идентификационные, а нередко и классификационные задачи. Например, по факту инсценировки самоубийства одного из активных участников организованного преступного сообщества «Общак», подозреваемого в поджоге кафе «Чародейка» в г. Комсомольске-на-Амуре, в результате которого погибло 8 человек, было установлено тождество веревки, изъятой с места происшествия, и куска веревки, обнаруженной при проведении обыска по месту жительства членов ОПГ, подозреваемых в его убийстве [1].

В последнее время широкое распространение в исследованиях получает использование ДНК биологических объектов. В отличие от других методов исследования вещественных доказательств, дающих возможность осуществить только групповую идентификацию, молекулярно-генетическое исследование позволяет в благоприятных случаях сделать категорический вывод о принадлежности биологического материала (кровь, сперма, слюна) конкретному лицу-выделителю. По мнению А.А. Бессонова, при использовании возможностей генетической экспертизы применительно к делам рассматриваемой категории может быть установлено происхождение следов биологического характера от конкретных лиц, что в конечном итоге укажет на групповой характер совершенного преступления [2, с. 143]. Иллюстрацией являются случаи установления генетического профиля слюны на окурках, изъятых при осмотре места происшествия. Выделенный генетический профиль помещается в банк данных ДНК и в дальнейшем сравнивается с образцом ДНК потерпевшего и подозреваемых.

Анализ материалов экспертной практики убедительно свидетельствует, что установление факта инсценировки убийства и причастности к нему членов ОПГ посредством проведения отдельных самостоятельных экспертиз не всегда возможно. «На сегодняшнем этапе расширения организованной преступности, – пишет по этому поводу Н.Е. Мерецкий, – экстенсивные возможности использования судебно-криминалистических, судебно-медицинских и других экспертиз в обособленном виде исчерпаны

или почти исчерпаны и не во всех случаях достигают поставленной цели при получении достоверных доказательств» [6, с. 138].

Для решения данной проблемы необходимо проведение комплексных экспертиз, т.е. когда установление того или иного факта требует использования специальных познаний, относящихся к нескольким отраслям. Так, если в процессе расследования по факту повешения возникли обоснованные сомнения в том, что веревка могла выдерживать вес тела, то назначается комплексная экспертиза. Проведением экспертизы будут заниматься специалисты в области судебной медицины и теории сопротивления материалов.

При обнаружении трупа с огнестрельными повреждениями возникает необходимость в определении позы жертвы и расположения оружия в руках стрелявшего, дистанции между ними и т.д. В таком случае целесообразно назначение комплексной экспертизы с привлечением экспертов судебно-медицинского и криминалистического профиля. Например, результаты именно такой комплексной экспертизы легли в основу доказывания факта убийства, которое члены ОПГ совершили в Щигровском районе Курской области, выстрелив в грудь жертвы из обрез охотничьего ружья, инсценировав самоубийство [3].

Комплексная судебная психолого-психологическая экспертиза на основе интеграции результатов исследований психологов и психиатров позволит выявить личностные особенности обвиняемых – членов группировки, их возможность осознавать характер совершаемых действий и т.д. Кроме того, результаты такой экспертизы позволят разоблачить симуляцию психических отклонений, нередко осуществляемую обвиняемыми – членами ОПГ в целях противодействия расследованию.

В рамках расследования данной категории убийств отдельное место отводится ситуационным экспертизам. Результаты данных экспертиз ложатся в основу воссоздания механизма совершения преступления. «Не вызывает сомнения то, что ситуационная экспертиза является одним из наиболее сложных и трудоемких видов медико-криминалистических экспертиз. Для достижения положительного результата и обеспечения достоверности выводов, до решения основной задачи (реконструкции событий) на основе экспериментально-сравнительного метода, необходимо предварительное решение целого ряда диагностических, классификационных и идентификационных задач. Для установления наиболее вероятного варианта событий либо подлинной динамики причинения телесных повреждений в распоряжении эксперта должны иметься как объективно зафиксированные данные о ситуации, отражающие динамику развития событий (протоколы осмотра места происшествия, следственных экспериментов по моделированию обстоятельств и условий причинения повреждений, фототаблицы, видеоматериалы и т.п.), так и полноценные сведения о повреждениях (их количестве, точной локализации, характере и индивидуальных особенностях). То есть следствием должна быть установлена и зафиксирована система отличительных свойств предполагаемой ситуации, а судебно-медицинскими экспертами путем проведения экспертных исследований повреждений установлена система их групповых или индивидуальных свойств, позволяющих провести идентификацию травмирующего предмета или отнести его к определенной классификационной группе, а также определить этапы и особенности механогенеза» [7].

В заключение отметим, что потенциал судебных экспертиз не исчерпывается представленными выше возможностями. Он гораздо многограннее и все более возрастает с принятием на вооружение правоохранительных органов современных экспертных методик. Данное обстоятельство выдвигает судебные экспертизы на передний план и отводит им одну из ключевых ролей в борьбе с организованной преступностью.

Литература

1. Архив Хабаровского краевого суда за 2001 г. Уголовное дело 4117/01.
2. Бессонов А.А. Расследование убийств, совершенных организованными группами. М., 2006.
3. В Курской области перед судом предстанут участники организованной группы, обвиняемые в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. URL: http://www.sledcom.ru/news/25126.html?sphrase_id=53365.
4. В Оренбургской области обезврежена организованная преступная группа. URL: <http://sledcomrf.ru/news/81010-v-orenburgskoy-oblasti-pered.html>
5. Зайцев Р.В. Криминалистические экспертизы как средство получения и проверки доказательств по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
6. Мерецкий Н.Е. Использование специальных знаний при производстве судебных экспертиз // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 138.
7. Мерецкий Н.Е., Милованова М.М., Федотов И.С. Криминалистическое обеспечение назначения экспертиз: учеб.-практ. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2003.
8. Ситуационная экспертиза. Проблемы и их решение. URL: <http://journal.forens-lit.ru/node/221>.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 35.083.122.3

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ В ВИДЕ ЗАМЕЧАНИЯ И ВЫГОВОРА, ОБЪЯВЛЯЕМЫХ В УСТНОЙ ФОРМЕ

Артем Николаевич Дерюга, заместитель начальника кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент

E-mail: derjuga@mail.ru

В статье рассматриваются наиболее проблемные вопросы наложения дисциплинарного взыскания на сотрудников органов внутренних дел, выясняются причины «редкого» применения устного замечания и выговора.

Ключевые слова: дисциплинарное взыскание; устное замечание; устный выговор.

SPECIAL FEATURES OF APPLICATION OF DISCIPLINARY SANCTIONS IN THE FORM OF ORAL REPROOFS AND REPRIMANDS IN THE DEPARTMENTS OF THE INTERIOR MINISTRY

Artyom Nikolaevich Derjuga, deputy chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Doctor of Law, associate professor

The most problem issues of disciplinary sanctions application are considered in the article. The reasons of “rare” application of oral reproofs and reprimands are examined.

Keywords: disciplinary sanctions; oral reproof; oral reprimand.

Дисциплинарное взыскание имеет своей целью предупреждение совершения новых нарушений дисциплины, что в конечном итоге служит неуклонному соблюдению правил и требований к служебному поведению служащих.

На основании п. 1 и 2 ч. 1 ст. 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] на сотрудника органов внутренних дел в случае нарушения им служебной дисциплины, а также в иных случаях, предусмотренных настоящим федеральным законом, могут налагаться дисциплинарные взыскания в виде замечания и выговора. Пункт 9 ст. 51 Закона устанавливает, что дисциплинарное взыскание в виде замечания или выговора может объявляться публично в устной форме.

Из анализа содержания вышеназванной статьи вытекает, что устный выговор и замечание имеют ряд следующих признаков:

- считаются видом дисциплинарного взыскания, налагаемого на сотрудника органов внутренних дел;
- налагаются решением руководителя органа внутренних дел, а также решением уполномоченного руководителя;

- объявляются в публичной форме;
- их юридическая сила действительна один месяц со дня наложения.

На первый взгляд, простой механизм на деле вызывает ряд вопросов, касающихся использования этих взысканий руководителями органов внутренних дел, в частности:

1. Каков круг должностных лиц ОВД, имеющих право объявлять устные замечания и выговор?
2. Какие критерии лежат в основе разграничения устного и письменного замечания и выговора?
3. Каковы предельно допустимые сроки между выявленным фактом дисциплинарного проступка и публичным объявлением о вынесении устного замечания или выговора?
4. Что понимается под публичной формой объявления устного замечания или выговора?
5. Какое решение необходимо принять в случае оспаривания сотрудником ОВД факта совершенного им дисциплинарного проступка?

Рассмотрим указанные вопросы более детально.

1. *Круг должностных лиц ОВД, имеющих право объявлять устные замечание и выговор* установлен ст. 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, согласно ч. 3 которой «дисциплинарные взыскания на сотрудника органов внутренних дел налагаются прямыми руководителями (начальниками) в пределах прав, предоставленных им руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел ...».

Пункт 4 ст. 51 Закона расширяет круг должностных лиц, уполномоченных налагать дисциплинарные взыскания, в том числе объявлять устное замечание и выговор: «Правом наложения дисциплинарного взыскания, предоставленным нижестоящему руководителю (начальнику), обладает и прямой руководитель (начальник)...».

В соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 «Об утверждении Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации» [4] приказом МВД России от 6 мая 2013 г. № 241 «О некоторых вопросах применения поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации» [2] утвержден перечень руководителей (начальников) системы МВД России и соответствующих их прав по наложению дисциплинарных взысканий в отношении подчиненных сотрудников (Приложение № 2). В этот перечень включены должностные лица ОВД, установленные в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ как руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, руководитель (начальник) и уполномоченный руководитель.

Примечательно, что пункт 10 Приложения № 2 вышеназванного приказа МВД России дает право налагать дисциплинарное взыскание в виде объявления замечания и выговора в устной форме максимально широкому кругу должностных лиц, обозначая его как «руководители (начальники) всех уровней».

Вместе с тем в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ словосочетания «руководитель (начальник) всех уровней» нет, а есть «прямой руководитель (начальник)» [3], что может вызвать сомнения в законности п. 10 Приложения № 2 вышеназванного приказа.

Однако в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации под прямым руководителем (начальником) сотрудника понимаются «... руководители (начальники), которым он подчинен по службе, в том числе временно; ближайший к сотруднику прямой руководитель (начальник) является его непосредственным руководителем (начальником)». Таким образом, противоречие между Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и приказом МВД России от 6 мая 2013 г. № 241 снима-

ется лишь совокупным действием упомянутого закона и Указом Президента России от 14 октября 2012 г. № 1377.

Следовательно, круг должностных лиц органов внутренних дел, уполномоченных объявлять дисциплинарные взыскания в виде устного замечания или выговора, хотя и остается широким, но ограничен по горизонтали только теми руководителями (начальниками), которым непосредственно подчинен по службе привлекаемый к дисциплинарной ответственности сотрудник ОВД.

Установление «вертикали» конкретных должностей ОВД основано на утвержденных указами Президента РФ и приказами МВД России структурами органов внутренних дел.

2. Какие критерии лежат в основе выбора устного или письменного замечания (выговора)?

Актуальность этого вопроса связана с отсутствием в нормативных правовых актах четких критериев выбора видов дисциплинарных взысканий, что приводит к высокой вероятности субъективных решений. В значительной степени это касается устного замечания или выговора, т.к. в основе объявления такого взыскания лежит, во-первых, скоротечность оценки тяжести выявленного нарушения; во-вторых, оперативность принятия решения о таком дисциплинарном взыскании (непосредственно после обнаружения факта и места выявления нарушения); в-третьих, необязательность процедуры фиксации противоправного поведения сотрудника ОВД.

Вместе с тем в нормативных правовых актах, действующих в сфере дисциплинарных правоотношений, просматривается оценочный «коридор», рамки которого ограничиваются перечислениями грубых нарушений дисциплины сотрудниками ОВД и понятием малозначительности.

Так, согласно ч. 2 ст. 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел является:

1) несоблюдение сотрудником ограничений и запретов, установленных законодательством Российской Федерации;

2) отсутствие сотрудника по месту службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного служебного времени;

3) нахождение сотрудника на службе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения либо отказ сотрудника от медицинского освидетельствования на состояние опьянения;

4) совершение сотрудником виновного действия (бездействия), повлекшего за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, возникновение угрозы жизни и (или) здоровью людей, создание помех в работе или приостановление деятельности федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа, подразделения либо причинение иного существенного вреда гражданам и организациям, если это не влечет за собой уголовную ответственность;

5) публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, в том числе в отношении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа, подразделения, если это не входит в служебные обязанности сотрудника и др.

Очевидно, перечисленные выше нарушения являются основанием выбора наиболее суровых видов дисциплинарных взысканий, не связанных с применением устного замечания или выговора. Это верхняя граница оценочного «коридора».

Нижняя граница определяется в понятии малозначительности совершенного деяния, представленном в п. 40 Дисциплинарного устава ОВД России, согласно которому «при малозначительности совершенного дисциплинарного проступка руководитель (начальник) может освободить сотрудника от дисциплинарной ответственности и ограничиться устным предупреждением».

Таким образом, мнение о том, что устное замечание или выговор налагается за малозначительные дисциплинарные нарушения, ложно. Установление малозначительности определяет решение руководителя (начальника) применять устное замечание (выговор) как меру дисциплинарного взыскания или отказаться в пользу устного предупреждения как меры предупреждения совершения новых нарушений дисциплины.

Именно здесь и возникает главный вопрос: каковы границы малозначительности? В этом смысле интерес вызывает пункт 38 Дисциплинарного устава ОВД России, согласно которому руководитель (начальник) при нарушении служебной дисциплины подчиненным обязан предупредить его о недопустимости таких действий (бездействия), а при необходимости, в зависимости от тяжести совершенного проступка и степени вины, наложить дисциплинарное взыскание. Обращает на себя внимание приоритет предупреждения не совершать впредь нарушений дисциплины и вторичность применения дисциплинарного взыскания. Пункт 40 соответствующего Указа Президента РФ лишь подтверждает этот вывод, прямо связывая предупреждение с наличием малозначительности проступка: «При малозначительности совершенного дисциплинарного проступка руководитель (начальник) может освободить сотрудника от дисциплинарной ответственности и ограничиться устным замечанием».

Таким образом, критериями выбора решения о применении института малозначительности являются тяжесть совершенного проступка и степень вины.

Тяжесть совершенного проступка зависит от наступивших последствий и с теоретической точки зрения относится к объективным признакам деяния. При этом следует помнить, что общественно опасным признается не только реальный вред (фактически наступившие негативные последствия в окружающей действительности: имущественный ущерб, вред здоровью или жизни людей), но и создание одной лишь реальной угрозы причинения такого вреда, хотя по счастливой случайности материальных последствий деяния нет. Таким образом, говоря о тяжести последствий, необходимо иметь в виду и то и другое: во многих случаях одна лишь угроза вреда может и должна восприниматься как тяжелое последствие деяния. Поэтому малозначительным дисциплинарным проступком можно считать то деяние, которое даже теоретически не может стать условием наступления материального вреда, в том числе нарушения прав граждан.

Степень вины сотрудника ОВД, совершившего дисциплинарный проступок, определяется с учетом ее формы (умысел, неосторожность). Понятно, что умышленный дисциплинарный проступок по степени общественной опасности считается более серьезным, нежели проступок, совершенный по неосторожности.

Анализ соотношения указанных критериев позволяет сделать вывод о том, что первичным критерием оценки малозначительности является тяжесть совершенного деяния, вторичным – степень вины. Последний критерий является определяющим лишь тогда, когда при оценке первого руководитель (начальник) внутренне не определился с выбором меры воздействия – устного замечания (выговор) как меры дисциплинарного взыскания или устного предупреждения как меры предупреждения совершения новых нарушений дисциплины.

Очевидно, универсальные критерии определения малозначительности установить вряд ли возможно, что обязывает руководителя (начальника) при решении вопроса о малозначительности дисциплинарного проступка ориентироваться на должную реализацию принципов юридической ответственности и достижение ее целей, в конечном итоге руководствоваться логическим мышлением, правосознанием и собственным усмотрением о справедливости своего решения.

3. *Срок* публичного объявления устного замечания и выговора после совершения дисциплинарного проступка устанавливается законом.

На основании ч. 6 ст. 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ дисциплинарное взыскание должно быть наложено не позднее чем через две недели со дня,

когда прямому руководителю (начальнику) или непосредственному руководителю (начальнику) стало известно о совершении сотрудником ОВД дисциплинарного проступка. Однако этот срок не считается пресекательным, так как, согласно п. 7 ст. 51 указанного федерального закона, дисциплинарное взыскание не может быть наложено на сотрудника ОВД по истечении шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка.

Течение указанного срока приостанавливается на период временной нетрудоспособности сотрудника, нахождения его в отпуске или командировке (п. 6, 7 ст. 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ). Положения п. 6 и 7 закона распространяются на письменные дисциплинарные взыскания, т.к. речь идет о времени «наложения» взыскания, а не его «объявления». Вместе с тем, учитывая то, что законодатель не установил других сроков в отношении времени объявления устных взысканий, противоречия в использовании сроков, установленных для письменных дисциплинарных взысканий, нет.

Дисциплинарные правонарушения, как всякое иное нарушение установленных правил, могут быть длящимися. В этом случае встает вопрос о том, распространяются ли на них сроки, установленные п.7 указанного закона. На наш взгляд, нет, так как длящееся правонарушение по характеру совершения не оканчивается моментом его совершения всякий раз, пока не прекратится или не будет пресечено, нанося вред тем правилам, которые дисциплинарным проступком нарушены.

Для того чтобы определить длящееся правонарушение, необходимо установить, имелась ли возможность пресечения или самостоятельного прекращения деяния нарушителем. В длящихся правонарушениях противоправное деяние совершается до момента его пресечения или самостоятельного прекращения [1].

4. *Под публичной формой* объявления устного замечания или выговора следует понимать доведение любыми возможными способами до личного состава подразделения территориального органа МВД России, в котором проходит службу сотрудник ОВД, информации о наложении в отношении его дисциплинарного взыскания. К таким способам можно отнести:

- объявление устного замечания или выговора в присутствии личного состава, например, на проводимой министром, нижестоящими руководителями (министрами, начальниками) органов внутренних дел коллегии, на оперативном совещании, во время проведения занятий по служебной, боевой или морально-психологической подготовке, в том числе проводимых в режиме видео- или селекторной связи;

- размещение информации о наложении дисциплинарного взыскания на информационной доске, в других информационных источниках, доступных для личного состава территориального органа МВД России.

Размещение на сайте территориального органа МВД России информации о привлечении сотрудника ОВД к дисциплинарной ответственности не рекомендуется по этическим соображениям, а также в связи с тем, что это может негативно сказаться на имидже органов внутренних дел. Вывод об этом следует из самой идеи создания веб-сайта – формирование у населения положительного образа сотрудника органов внутренних дел.

5. В правоприменительной практике может возникнуть еще один вопрос. Какое решение необходимо принять в случае оспаривания сотрудником ОВД факта совершенного им дисциплинарного проступка? Вопрос не праздный, он основан на законном праве сотрудника ОВД на защиту своих прав.

Косвенно реализации этого права способствуют пункт 8 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и пункт 37 Дисциплинарного устава ОВД России, согласно которому «... до наложения дисциплинарного взыскания от сотрудника, привлекаемого к ответственности, должно быть затребовано объяснение в письменной форме. В случае отказа сотрудника дать такое объяснение составляется соответствующий акт».

Таким образом, сотрудник ОВД, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, вправе изложить свою точку зрения по поводу содеянного.

На наш взгляд, при реализации этого права руководитель (начальник) должен отказаться от наложения устного замечания или выговора, т.к. применение этого вида дисциплинарного наказания связано с противоправным поведением, граничащим с малозначительным проступком. Если в процессе служебной проверки все же будет доказана вина сотрудника ОВД, то выбранная мера наказания должна быть более строгой, чем устное замечание или выговор.

Таким образом, при возникновении спора по поводу наложения устного замечания (выговора), руководителю (начальнику) необходимо инициировать проведение служебной проверки, на основании и в порядке, установленных ст. 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и приказом МВД РФ от 26 марта 2013 г. № 161 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Так как, согласно п.13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, применяемые меры дисциплинарного взыскания в виде устных замечания и выговора не заносятся в личное дело сотрудника ОВД, все имеющие материалы, собранные в связи с нарушением, по истечении срока действия дисциплинарного взыскания могут быть уничтожены.

Согласно п. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ, дисциплинарное взыскание, наложенное на сотрудника ОВД, объявленное публично в устной форме, действительно в течение одного месяца со дня его наложения. Днем наложения такого дисциплинарного взыскания, согласно п. 9 того же закона, считается день публичного объявления устного замечания или выговора. Время нетрудоспособности, нахождения в отпуске или командировке сотрудника ОВД, привлеченного к дисциплинарной ответственности, на течение указанного срока не влияет. Днем начала течения срока является следующий день с момента публичного объявления устного замечания или выговора.

Таким образом, правовой механизм применения и учета дисциплинарных взысканий в виде замечания и выговора, объявленных в устной форме, несмотря на внешнюю простоту, требует достаточно серьезной правовой подготовки, основанной на скрупулезном следовании закону и понимании сути применения мер дисциплинарного принуждения.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Текст постановления официально опубликован не был.
2. Российская газета. 2013. 19 июля.
3. Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.
4. Собрание законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5808.

УДК 343.985.7

ОСОБЕННОСТИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ КАПИТАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ

Сергей Викторович Тайнов, адъюнкт
Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: svtainov@mail.ru

В статье рассматриваются особенности способов хищений, совершаемых при капитальном строительстве автомобильных дорог. На примерах из судебно-следственной практики анализируются типичные способы подготовки, совершения и сокрытия хищений.

Ключевые слова: способ совершения преступления; сокрытие; хищения; строительство; автомобильные дороги.

PECULIARITIES OF EMBEZZLEMENT COMMITTED DURING THE ROAD CONSTRUCTION

Sergei Victorovitch Tainov, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The paper considers the peculiarities of the ways of embezzlement committed during the road construction. The author using the facts from forensic investigation practice, analyses the typical ways of preparing, committing and concealing theft.

Keywords: the way committing crime; concealment; embezzlement; construction; roads.

Анализ экономического развития России в современных условиях свидетельствует о том, что один из векторов приоритетной политики государства направлен на увеличение объема капитального строительства автомобильных дорог. Отмеченное обстоятельство является неотъемлемым элементом развития транспортной инфраструктуры страны. Ежегодно на строительство в этой области в Российской Федерации тратятся миллиарды рублей из государственного бюджета. Наиболее яркими проявлениями возведения такого рода объектов является строительство автодорог в рамках подготовки к проведению саммита АТЭС-2012 в г. Владивостоке и Зимних олимпийских игр в г. Сочи. Отмеченные процессы, безусловно, являются положительными факторами экономического развития страны.

Однако наряду с этим сфера капитального строительства автомобильных дорог традиционно связана с крупными финансовыми потоками и большим оборотом материальных ценностей, что является благоприятной почвой для их хищения. Мы согласны с мнением С.В. Задерако о том, что «существует опасность массовой растраты предназначенных на вышеуказанные цели значительных финансовых средств. Об этом, в частности, свидетельствует высокий уровень коррумпированности должностных лиц, состоящих в противоправных связях с коммерческими структурами и организованными преступными группами. Указанные преступные формирования разрабатывают сложные, изощренные комбинации, связанные с незаконным перечислением денежных средств. Характерным примером является организация тендеров на строительство с

нарушением установленных правил для допуска к выполнению работ требуемой фирмы (фирм). В свою очередь, фирма путем умышленного итогового завышения стоимости выполненных работ по строящимся объектам, возведенным, как правило, с нарушением проектно-сметной документации, необоснованно получает, помимо законной прибыли, ту разницу денежных средств, которая реально была затрачена на строительство при ее надлежащем выполнении. Нередко такие "разницы" гораздо больше фактической стоимости самого строительного объекта» [2, с. 127].

Сказанное красноречиво подтверждают примеры из судебной-следственной практики. Например, Следственным комитетом Российской Федерации совместно со Счетной палатой и другими заинтересованными ведомствами выявлены многочисленные факты хищений, совершенных при капитальном строительстве кольцевой автомобильной дороги в г. Санкт-Петербурге. По предварительным данным, было похищено не менее 1 млрд руб. [14]. Аналогичный случай зафиксирован в Тульской области, где в ходе расследования выявлено хищение на сумму более 200 млн руб., выделенных на строительство и ремонт автомобильных дорог [14]. Ряд закономерных вопросов вызывает и требует следственной проверки обрушение подпорной стены трассы в г. Владивостоке, проложенной в рамках подготовки к саммиту АТЭС в 2012 г. К сожалению, приходится констатировать, что приведенные нами примеры не единичны и имеют системный характер. Большой общественный резонанс вызвало возбуждение уголовного дела по факту множественных хищений, совершенных при строительстве федеральной автотрассы «Амур» сообщением «Чита – Хабаровск» [13].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что хищения в сфере капитального строительства автомобильных дорог подрывают государственную политику экономического развития страны, негативно влияют на ее дальнейшее развитие. Создавшаяся ситуация помимо ее констатации и анализа требует незамедлительных действий по выработке криминалистических алгоритмов противодействия хищениям, воплощенных в методике расследования данного вида преступлений. Думается, что расследование преступлений невозможно без изучения криминалистической характеристики хищений в сфере капитального строительства автомобильных дорог, которая является информационным фундаментом такой методики, а способ преступления – ее стержнем.

Приступая к рассмотрению способа преступления как основного элемента, составляющего архитектуру криминалистической характеристики хищений в сфере капитального строительства автомобильных дорог, необходимо кратко остановиться на теоретических аспектах данной криминалистической категории. В данном случае за основу мы берем концепцию Г.Г. Зуйкова [3], который под способом преступления понимает трехчленную систему взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления.

В криминалистической литературе существует большое количество определений способа преступления. Например, И.И. Рубцов на основе анализа существующих концепций считает, что «под способом совершения преступления как элемента криминалистической характеристики следует понимать систему взаимосвязанных, целенаправленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления с использованием соответствующих орудий и средств, условий, места и времени и объединенных общим преступным замыслом» [5, с. 101].

Не подлежит сомнению, что познание сущности элементов способа преступления и использование их закономерностей играет ведущую роль в раскрытии и расследовании преступлений. «Для криминалистов информация о способе совершения преступления, – считает Н.И. Хлюпин, – имеет принципиальное значение, поскольку подчеркивает тот факт, что способ преступления не только занимает исходное положение в процессе доказывания, но и служит своего рода ориентиром направления и пределов исследования содеянного для разработки тактики следственных действий, выдвижения

версий и в конечном итоге для определения конкретной методики раскрытия преступления» [7, с. 83].

Н.Е. Мерецкий указывает на то, что на протяжении длительного времени способ преступления считался одним из главных элементов, изучаемых в период работы по уголовному делу [4, с. 132]. Разделяя эту точку зрения, полагаем, что способ преступления играет ключевую роль в системе криминалистической характеристики данного вида преступлений. При этом заметим, что во избежание терминологической путаницы мы поддерживаем позицию Р.С. Белкина, предложившего употреблять термин «способ преступления» для интегрального обозначения способов осуществления всех этапов преступной деятельности [1, с. 765].

Анализ эмпирического материала убедительно свидетельствует о том, что при совершении хищений в области капитального строительства автомобильных дорог используется полноструктурный способ преступления, состоящий из подготовки, непосредственного совершения хищения и его сокрытия, объединенных единым замыслом расхитителя (расхитителей). Рассмотрим эти элементы более подробно.

Основные действия в рамках подготовки к совершению хищений при строительстве автомобильных дорог заключаются в определении объекта и предмета хищения, разработке способа и механизма реализации преступного замысла. Составной частью подготовки будет являться приобретение или изготовление документации, обеспечивающей совершение преступления. Так, по данным Следственного комитета РФ по Хабаровскому краю, в рамках расследования хищений, совершенных при строительстве федеральной трассы «Амур», установлено, что представителем подрядной организации были предъявлены к оплате государственному заказчику два акта выполненных работ, содержащих завышенные фальшивые сведения об истинном объеме выполненных работ [13].

Следует подчеркнуть, что способ хищения в сфере строительства автомобильных дорог имеет свою специфику. Суть ее заключается в крайней затруднительности, а то и вовсе невозможности совершения таких преступлений в одиночку. В связи с этим на первый план выходит задача подбора соучастников. При этом лица, вовлеченные в преступную деятельность, должны отвечать ряду специальных требований, обеспечивающих возможность совершения хищений. В первую очередь это занимаемая должность расхитителя, предполагающая оперативное управление материальными и финансовыми потоками, выделяемыми для строительства автодороги, свободный доступ к проектно-сметной и финансово-отчетной документации, отражающей ход строительства, а также наличие необходимых, в том числе коррумпированных, связей. Вместе с тем соучастники преступления должны обладать специальными познаниями в области капитального строительства автомобильных дорог, а также рядом морально-волевых качеств, таких, например, как склонность к совершению хищений, преступный опыт и т.д. Однако нередко преступники в ходе подготовки к преступлению разрабатывают комбинации по использованию необходимых им должностных лиц без доведения до них истинных мотивов и характера действий.

Подготовка к совершению преступления может включать в себя действия по созданию и регистрации специальных фирм-однодневок. Их задачи весьма многоплановы – от участия в фиктивных тендерах на производство работ до обналичивания похищенных денежных средств – и зависят от конкретного механизма хищения. К элементам подготовки можно отнести включение условий обязательной предоплаты в договоры подряда, поставки, купли-продажи. Таким образом, можно сделать вывод о том, что подготовка к хищениям в сфере капитального строительства автомобильных дорог имеет многокомпонентный характер и требует от преступников выстраивания криминальной модели способа преступления.

Говоря о непосредственных способах совершения хищений, подчеркнем, что такой процесс отличается большим многообразием, крайней изобретательностью и часто

имеет длительный временной характер. Выбор способа хищения зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов: правовой защищенности отдельных направлений строительства, состояния охраны, учета и контроля на определенном предприятии, компетентности и добросовестности его руководителей, технической оснащенности и организованности расхитителей, их личных качеств, характера предмета посягательства. Как верно отмечает Е.А. Старцева, классифицировать эти способы преступной деятельности в строительной сфере достаточно проблематично, поскольку процедуры человеческой – противоправной либо непротивоправной – деятельности настолько разнообразны, насколько позволяет его изобретательность [6, с. 254]. Указанное обстоятельство, а также ограниченный объем настоящей статьи вынуждают нас рассмотреть лишь наиболее распространенные способы совершения хищений при капитальном строительстве автомобильных дорог.

Анализ материалов судебно-следственной практики позволяет выделить следующие способы:

– завышение в финансово-бухгалтерской отчетности масштабов и стоимости якобы произведенного строительства относительно фактически выполненного объема работ. Так, Ефремовский районный суд Тульской области вынес обвинительный приговор в отношении должностных лиц ООО «Автострада». Установлено, что при выполнении работ по капитальному строительству автодороги «Лопатково – Первомайский» должен был быть использован грунт – мелкий песок из карьера «Тюртень», расположенного в 98 км от строительства. Однако подрядчик ООО «Автострада» стал добывать песок из незаконно разработанного карьера в 7 км от возводимой трассы. При этом в отчетную документацию включали ложные сведения о выполненных работах по перевозке песка якобы из карьера «Тюртень». В результате ущерб, причиненный федеральному и областному бюджетам, составил 11,9 млн руб. [9];

– включение в объем финансовых затрат на капитальное строительство автодороги денежных средств по ремонтно-строительным работам на других объектах, возводимых подрядной организацией. Иными словами, «криминальная экономия», заключающаяся в строительстве какого-либо объекта или его части за счет средств, выделяемых государством на капитальное строительство автодороги;

– использование при выполнении объема работ низкокачественных, соответственно, более дешевых строительных материалов. Например, в ходе расследования хищений, совершенных в рамках строительства автодороги «Кисловодск – Эльбрус» при реализации Федеральной целевой программы «Юг России на 2008-2012 годы» установлены факты применения не установленных ГОСТом более дешевых материалов. В последующем в акты выполненных работ и справки были внесены заведомо ложные сведения в целях завышения размера оплаты данных работ [10];

– осуществление строительных работ посредством привлечения неквалифицированной рабочей силы, например, нелегалов-гастарбайтеров, без заключения с ними трудовых соглашений;

– списание денежных средств на оплату ремонтных работ, которые фактически не проводились. Так, сотрудниками МВД России по Республике Бурятия установлено, что в рамках исполнения государственного контракта строительной компанией «ССМ МК № 184» со стороны заказчика ФКУ «Упрдор Южный Байкал» ей было перечислено более 900 тыс. руб. за якобы выполненные работы по замене асфальтового покрытия и рабочего слоя земляного полотна. При этом, как было установлено следствием, фактически ремонтные работы не проводились [11];

– строительство дороги силами подрядной организации с одновременным завышением затрат на строительство автодороги посредством заключения фиктивных договоров с организациями, которые, выступая субподрядчиками, якобы участвовали в возведении объекта;

– хищения выделенных строительных материалов, совершаемые путем необоснованного их списания под различными предлогами (брак, порча, потери при транспортировке и т.д.), занижения количественных и качественных показателей сырья при его получении. Разновидность данного способа – экономия сырья, не отраженная в документах, заключающаяся в укрытии от учета неизрасходованных материалов с последующей реализацией их третьим лицам;

– хищения строительной техники. Например, Следственным комитетом РФ по Новгородской области предъявлено обвинение руководителю ОАО «ДЭП № 77», который путем изготовления фиктивного протокола собрания совета директоров похитил асфальтосмесительную установку. Тем самым предприятию причинен ущерб на сумму более 11,5 млн руб. [8].

Полагаем, что представленные нами способы хищений этим не ограничиваются. По нашему мнению, сюда же необходимо отнести способы хищений финансовых средств в области строительства и ремонта дорог, связанные с получением незаконного денежного вознаграждения должностными лицами, выдающими различного рода разрешения и осуществляющими контроль за деятельностью строительных и подрядных организаций. В разговорном обиходе такие действия получили название «откат». Проиллюстрируем особенности этого способа хищений на следующем примере. По информации Следственного комитета РФ по Воронежской области, в апреле 2013 г. руководитель управления автомобильных дорог и дорожной деятельности Воронежской области, имея умысел на хищение чужого имущества в особо крупном размере, под предлогом оказания содействия в заключении контрактов на содержание и ремонт автомобильных дорог, а также в своевременной оплате выполненных работ предложил директору ОАО «Воронежавтодор» передать ему денежное вознаграждение в размере 5 % от сумм, перечисленных по договорам [12].

Приведенный выше пример не единичен. Существуют и его разновидности. Так, по данным УЭБиПК УМВД России по Владимирской области, задержан представитель коммерческой организации, подозреваемый в вымогательстве 23 млн руб. Эту сумму бизнесмен потребовал у руководителя дорожно-строительного предприятия за обеспечение гарантированной победы в открытом аукционе на право заключения двух государственных контрактов по строительству и обслуживанию дорог на общую сумму 470 млн руб. [11].

Способы сокрытия хищений, совершаемых при строительстве автомобильных дорог, не менее разнообразны и детерминированы непосредственным способом совершения преступления. В частности, к ним можно отнести:

– действия по сокрытию от учета и проведения проверок подлинных документов, отражающих истинный характер и объем выполненных работ. Так, подлежащие хранению бухгалтерские и прочие документы, в которых имеются следы преступной деятельности, расхитители во многих случаях уничтожают, маскируя это утратой, пожаром, затоплением помещений;

– использование подложных документов, камуфлирующих совершенное хищение;

– перевод похищенных средств на банковские счета других юридических и физических лиц, в том числе находящихся за границей;

– осуществление ликвидации дочерних предприятий, созданных для совершения хищений, либо реорганизации их в другие компании, сопряженные со сменой их руководства, частая смена юридического адреса и фактического местонахождения предприятия;

– осуществление комплекса мероприятий по банкротству подрядных организаций, осуществлявших строительство автодороги;

– оказание психологического давления в виде угроз, запугивания на сотрудников, располагающих информацией о фактах и объемах хищения. Практика показывает, что такие случаи встречаются редко и составляют 0,1 % от изученных нами уголовных дел.

В заключение можно сделать вывод о том, что способы хищений в сфере капитального строительства автомобильных дорог представляют собой сложный, многокомпонентный комплекс мероприятий по подготовке, совершению и сокрытию преступления. Трудности в раскрытии обозначенных преступлений обусловлены наличием у расхитителей специальных познаний в области строительства, доступа к оперативному управлению материально-финансовыми потоками и наличием коррупционных связей. Отмеченные нами обстоятельства требуют принятия незамедлительных мер по разработке частной криминалистической методики выявления и расследования данного вида преступлений.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. М., 2001.
2. Задерако С.В. К вопросу о формировании частной криминалистической методики расследования корыстных преступлений в сфере строительства, связанных с фальсификацией проектно-сметной и отчетной документации // Юрист-правовед. 2012. № 3 (52).
3. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
4. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
5. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
6. Старцева Е.В. Характеристика способов преступной деятельности в сфере строительства // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15).
7. Хлюпин Н.И. Понятие и основные элементы криминалистической характеристики преступления в методике расследования // Вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам: межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 1981.
8. URL: [http:// sledcomlo.ru/news/rus/2357](http://sledcomlo.ru/news/rus/2357)
9. URL: [http:// www. Kommersant.ru/doc/2071035/](http://www.Kommersant.ru/doc/2071035/)
10. URL: [http:// www.akm.ru/news/2012/october/15/ns](http://www.akm.ru/news/2012/october/15/ns)
11. URL: <http://mvd.ru/news/item>
12. URL: <http://sledcomrf/news/hltm>
13. URL: <http://www.skp27.ru>
14. URL: <http://www.sledcom.ru/news/155037>

УДК 94(47)351/354

ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ: ИСТОРИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906–1917)

Вячеслав Жоржович Дорохов, заместитель начальника кафедры
кандидат исторических наук, доцент;

Алексей Викторович Милежик, доцент кафедры кандидат исторических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: kaf_sgied@mail.ru

E-mail: amilezhik@rambler.ru

Одним из этапов реформы органов внутренних дел Российской Федерации стало принятие в марте 2011 г. Закона «О полиции», который активировал процесс возрождения органов полиции, упраздненных в марте 1917 г. В период 1906-1917 гг. Российское государство уже делало попытку проведения полноценной реформы органов полиции, которая по ряду объективных и субъективных обстоятельств так и не была завершена, что в конечном итоге оказало свое отрицательное влияние на результаты деятельности органов правопорядка, сил которых оказалось недостаточно для защиты государственного строя.

Ключевые слова: П.А.Столыпин; Государственная Дума; Особое совещание МВД; реформа полиции; проект полицейского устава; сыскные отделения.

AUTHORITY AND REFORM: THE HISTORY OF POLICE REFORM OF THE RUSSIAN EMPIRE (1906–1917)

Vyacheslav Zhorzhovich Dorokhov, deputy chair head *Kandidat nauk* degree in
History, associate professor;

Aleksey Viktorovich Milezhik, chair associate professor *Kandidat nauk* degree in
History

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation)

One of the stages of the reform of the internal affairs of the Russian Federation was adopted in March 2011, the Law "On Police", which activated the revival of the police disbanded in March 1917. In the period of 1906-1917 years. The Russian government has already made an attempt to carry out a complete reform of the police, who for a number of objective and subjective reasons, has not been completed, which eventually had its negative impact on the performance of law enforcement, which forces proved insufficient to protect public order.

Keywords: P.A. Stolypin; the State Duma; Ministry of Internal Affairs Special meeting; police reform; project statute police; detective department.

Современное Российское государство переживает особый период своей истории. Вновь стране необходимо мобилизовать все свои ресурсы для адекватного ответа на вызовы современности. Дальнейшее развитие Российской Федерации невозможно без качественных изменений во всех сферах жизни общества, без наличия правового государства, в котором в полной мере реализуются права и свободы человека и гражданина. Построение такого государства – процесс длительный, зависящий от множества факто-

ров и предполагающий наличие обязательных элементов. Одним из таких элементов является эффективная правоохранительная система.

В 2009 г. Президент Российской Федерации своим Указом «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» активировал процесс кардинальных преобразований в системе МВД. Озвученная Президентом проблема затронула широкие слои общественности. Впервые в истории Российского государства на открытое обсуждение на официальном сайте МВД был выставлен проект Закона «О полиции», где все желающие могли оставлять свои отзывы и предложения. Итогом подобного обсуждения стало принятие 7 февраля 2011 г. Закона «О полиции», который с 1 марта вступил в действие.

Отечественная история знает немало примеров реформирования правоохранительных органов. Накоплен значительный как положительный, так и отрицательный опыт в деле преобразований правоохранительной системы. Значительный интерес представляет опыт проведения полицейской реформы в начале XX в., в период серьезной трансформации российского общества, череды социальных и политических потрясений 1905–1907 гг. и 1917 г.

Для руководства страны в лице председателя Совета министров и одновременно министра внутренних дел Петра Аркадьевича Столыпина события первой русской революции стали сигналом к началу проведения реформы силовых ведомств в целях повышения эффективности их деятельности. Уже осенью 1906 г. при Министерстве внутренних дел была создана межведомственная комиссия для разработки полицейской реформы под председательством товарища министра внутренних дел сенатора А.А. Макарова.

В ходе реформы планировалось реорганизовать управление полицией, подготовить новый полицейский устав, а также решить вопрос по увеличению денежного содержания полицейских. К 1906 г. должностные оклады в полиции действительно оставались относительно низкими. Годовое содержание полицейского служащего в среднем составляло 216 руб., городского – 300 руб., урядника – 480 руб., околоточного надзирателя – 600 руб., станového (городского) пристава – 800 руб., полицеймейстера – 1700 руб. Характерно, что денежное содержание нижних полицейских чинов в сравнении с заработком среднего сельского рабочего в абсолютных цифрах практически всегда проигрывало. В связи с этим, по словам П.А. Столыпина, невозможно добиться того, чтобы околоточные надзиратели при окладе 600 руб. в год не брали взятки [5, с. 29].

Слабая социальная защищенность и низкий престиж работы полицейского делали эту профессию в глазах общества малопривлекательной и не позволяли отбирать на эти должности достаточно грамотных и морально устойчивых сотрудников [1, с.10], поэтому главной целью реформы являлось решение проблемы поднятия престижа полицейской службы и укрепления «служебной устойчивости» ее сотрудников. Для этого планировалось создать клубы для сотрудников полиции, учредить суды чести и обратить особое внимание на повышение образовательного уровня полицейских*, создав сеть специальных учебных заведений.

Следует отметить, что в российской полиции на момент начала реформы отсутствовала какая-либо система в подготовке полицейских чинов к исполнению своих обязанностей. Новичок начинал свою службу в качестве полицейского с первого дня вступления его в состав полиции. Отдельные элементы знаний по уголовному сыску он мог приобрести на практике, в одной из школ для урядников, стражников, которых к началу XX в. насчитывалось единицы, или в школе для городских, только начинавших открываться. Профессиональных курсов или школ, «посвященных научной разработке вопросов уголовно-полицейского розыска», не существовало.

---

* Большинство низших полицейских чинов не имело даже начального образования.

Новый полицейский устав был призван заменить собой правила на тот период уже устаревшего Устава о предупреждении и пресечении преступлений*. В проекте «Устава полицейского» четко прописывались структура полиции и сфера ее компетенции. На полицию возлагались обязанности по наблюдению за исполнением законов и обязательных постановлений, принятию мер к предотвращению, обнаружению, устранению и преследованию всякого рода действий, запрещенных уголовными законами или направленных против государственного или общественного порядка и спокойствия, а также личной и имущественной безопасности.

Помимо общих положений в Уставе были прописаны задачи и полномочия полиции по борьбе с нарушениями законности в различных областях общественной жизни. Так, полиция должна была следить за религиозным порядком и благочинием, за соблюдением правил проведения собраний и съездов, учреждением обществ и союзов, организацией лотерей и тотализаторов, оборотом взрывчатых веществ и оружия, за поддержанием благоустройства и порядка в местах общего пользования, за внутренним порядком в домах, а также бороться с нищенством и «праздношатанием». Особые разделы были посвящены охране здоровья и общественной нравственности, контролю за соблюдением законности в торговле и промыслах, в строительстве и при личном найме.

15 апреля 1911 г. Макаров представил программу реформы полиции в Совет министров. В пакет документов вошли: заключение комиссии по проекту закона о преобразовании полиции, постановления об организации полиции, ее видах, о положении ее чинов среди других органов управления, о расходах на полицию, что в совокупности составило проект об учреждении полиции, а также постановления, определявшие права и обязанности чинов полиции, объединенные в новый Устав полиции.

Совет министров, рассмотрев проект на заседаниях 12 июля 1911 г. и 31 января 1912 г., постановил передать его, после обсуждения окладов содержания полицейских чинов в Особом совещании под председательством государственного контролера П.А. Харитонова, на законодательное рассмотрение. Сменивший А.А. Макарова на посту министра внутренних дел Н.А. Маклаков признал необходимым подвергнуть законопроект о преобразовании полиции дополнительному рассмотрению, о чем 23 марта 1913 г. подал соответствующее представление в Совет министров. По постановлению Совета министров от 30 мая 1913 г., проект перерабатывался в Особом совещании при Министерстве внутренних дел под председательством Н.А. Маклакова, при участии некоторых губернаторов и чинов центрального управления внутренних дел, осведомленных в полицейском деле. 11 сентября 1913 г. проект был представлен в Государственную Думу. По предложению председателя Думы М.В. Родзянко, для рассмотрения законопроекта была образована особая комиссия. Обсуждение реформы полиции продолжалось до 1917 г., но закон о ее преобразовании так и не был принят.

Тем не менее, некоторое переустройство полицейских органов все же было проведено. Так, в конце 1907 г. было принято решение о централизации уголовного сыска в Российской империи**. В законопроекте «Об организации сыскной части» отмечалось, что «введение в действие целой сети сыскных отделений даст несуществующую ныне возможность устроить их по однородной системе работы и регистрации, держать личный состав их по указаниям из центра в курсе усовершенствований сыскного дела...» [2, с. 34]. Реализуя данную идею на практике, 12 марта 1908 г. в составе Департамента полиции МВД Российской империи создается 8-е делопроизводство, в обязанности которого входило: руководство сыскной полицией на местах; связь с полициями иностранных государств по вопросам общеуголовного характера; составление правил и

---

* В официальных документах именовался «Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений». Первый «Свод» был издан в 1876 г., в новой редакции – в 1890 г.

** Первое сыскное отделение было создано в Петербурге еще 31 декабря 1866 г. Затем подобные структуры появились в полиции Москвы, Одессы, Риги, Тифлиса, Баку, Ростова-на-Дону.

инструкций по сыскной части; заведование школой инструкторов. При делопроизводстве был создан и криминалистический музей.

Проектом «Об организации сыскной части» предусматривалось образовывать сыскные отделения в составе полицейских управлений империи, обозначались места их дислокации, устанавливалось штатное расписание и материальное вознаграждение. На чиновников сыскных отделений возлагались все права и обязанности, присвоенные полиции Судебными уставами 1864 г., поэтому они кроме оперативно-розыскных действий должны были проводить дознание по отдельным преступлениям и выполнять определенные поручения прокуроров и судебных следователей.

29 декабря 1907 г. П.А. Столыпин внес данный законопроект в Государственную Думу. 18 января 1908 г. проект был заслушан в общем собрании Думы и передан ею в комиссию по судебным реформам. 23 июня 1908 г. проект был одобрен Думой и передан в Государственный Совет. После обсуждения и одобрения Государственным Советом, 6 июля 1908 г. с резолюцией Николая II «Быть по сему» вступил в силу Закон «Об организации сыскной части», согласно которому в Санкт-Петербурге, Москве и 89 губернских городах России создавались сыскные отделения для производства розыска по делам общеуголовного характера. Однако закон лишь в общих чертах определял задачи сыскных отделений и их структуру, поэтому 9 сентября 1910 г. МВД разработало дополнительную инструкцию чинам сыскных отделений с подробным изложением основ их организации и деятельности.

Сыскные отделения входили в состав полицейских управлений и делились на четыре разряда. За образец был взят штат Киевского сыскного отделения (СО), утвержденный в 1908 г. Население Киева в начале XX в. составляло 320 тыс. чел. По числу совершаемых преступлений город занимал 1 место в России: на каждые 10 тыс. жителей совершалось около 650 преступлений, в то время как средняя «норма» для крупных городов составляла 362 преступления, а в целом по стране – 178 преступлений в год. Исходя из этого, в Киеве создавалось СО 1-го разряда. СО 2-го разряда создавались в городах, население которых составляло примерно половину жителей городов, отнесенных к 1 разряду. В городах с населением от 35 до 90 тыс. чел. организовывались СО 3-го разряда. Отделения 4-го разряда открывались в городах с населением до 35 тыс. чел. [3, с. 100]. Сыскные отделения Санкт-Петербурга и Москвы были поставлены вне утвержденных разрядов.

В свою очередь, каждое сыскное отделение состояло из четырех подразделений – столов: личного задержания, розысков, наблюдения и регистрации. Последнее составляло главную часть внутренней организации сыскного отделения. Справочное регистрационное бюро занималось регистрацией преступников, систематизацией всех сведений о них, установлением личности преступников, выдачей справок о судимости и розыске скрывающихся лиц.

В основу работы сотрудников сыскных отделений был положен принцип специализации по видам профессиональной преступности. Основным методом работы сыскных отделений была работа с использованием наружного наблюдения и негласных сотрудников*. В своей работе сотрудники отделения обращали серьезное внимание и на слухи, доносы, сведения и справки, доставляемые лицами всевозможных профессий

---

* Начальник сыскного отделения Санкт-Петербурга А.Ф. Кошко писал: «Негласных агентов приходится иметь во всех слоях общества. Как при посредстве отбывших наказание за кражи и отпущенных на свободу возможно узнать места сбыта похищенных вещей, разные воровские притоны и сборища, известные воровские клички воров и пр., так равно собиранье секретных справок о разного рода личностях возможно иметь только при посредстве негласных агентов... Во всех увеселительных заведениях, гостиницах, трактирах, постоялых дворах должны быть агенты среди прислуги. Разные общественные и частные учреждения, банки, страховые общества и прочие также не могут быть оставлены без наблюдения тех же негласных агентов» [2, с. 36].

как за вознаграждение, так и в силу их постоянного общения с чинами сыскной полиции. Практическая работа отделений также обеспечивалась материалами, получаемыми от околоточных надзирателей, привлекавшихся начальниками отделений к проведению всего комплекса розыскных мероприятий.

С созданием сыскных отделений встал вопрос о профессиональной подготовке их служащих. В августе 1908 г. по распоряжению Столыпина для начальников сыскных отделений в Петербурге были открыты двухмесячные курсы, программа которых включала в себя широкий круг дисциплин: государственное и полицейское право; уголовное право; судебную медицину; методы регистрации преступников; приемы уголовного сыска; приемы самообороны; ознакомление с оружием и взрывчатыми веществами и другие специальные дисциплины.

Если проблема с подготовкой кадров хоть как-то решалась, то более серьезную проблему организации эффективного взаимодействия новых подразделений с другими органами и подразделениями МВД решить не удавалось. Каждое ведомство заботилось о том, чтобы самому выглядеть достойно. В одном из номеров «Вестника полиции» отмечалось, что органы общей полиции не оказывают должного содействия уголовному сыску, «не дают справок о проживании нужных для сыска лиц, не сообщают совершенно о происшедших на участке случаях...» [3, с. 101]. По признанию самих полицейских чиновников, связь между сыскной полицией в городах и полицией в уездах сводилась к нулю: «...зарегистрированный преступник и даже разыскиваемый совершенно свободно проживал в уезде, в то время когда его тщательно разыскивали в городе» [3, с.115]. Такое положение было достаточно типичным для органов правопорядка Российской империи*, что отрицательно сказывалось на общих результатах борьбы с преступностью. Так, в целом по стране в 1909 г. из 411 063 уголовных дел, по которым велось следствие, 233 770 дел были прекращены из-за недоказанности или нераскрытия преступлений, а 96 247 уголовных дел – из-за необнаружения виновных [4, с.116].

Данная ситуация вызывала большую озабоченность Департамента полиции. В течение 1910–1912 гг. сотрудники Особого отдела Департамента полиции совершили ряд инспекционных проверок по России. Они вскрыли довольно плачевную картину состояния дел в сыскных отделениях и в первую очередь – низкий образовательный и профессиональный уровень сотрудников.

Не лучше обстояло дело и в подразделениях политической полиции. По результатам проведенных проверок были уволены со службы и отстранены от должности 16 начальников губернских жандармских управлений, еще 13 намечены к увольнению.

Проблемы в полицейской системе усугублялись и внутренними политико-экономическими трудностями, с которыми столкнулось правительство. После смерти П.А. Столыпина противоречия, раздиравшие созданную им политическую систему, еще больше обострились. Основные законопроекты, разработанные правительством в целях успокоения страны, – Проект исключительного положения и Устав полицейский – не смогли преодолеть думские дебаты, и так и не были приняты. Подвижки в области реформирования силовых структур и всей системы судопроизводства, с ними связанной, оказались не столь кардинальны, как рассчитывал П.А. Столыпин. Полицейская реформа, так необходимая стране, забуксовала.

Несмотря на то, что за 1908–1916 гг. была принята масса временных «узаконений» по усилению полиции в различных местностях России, вплоть до 1916 г. проект о преобразовании полиции находился все еще на рассмотрении в Государственной Думе. Причин тому было несколько: сложность политической обстановки, постоянное давление и критика действий правительства со стороны различных политических сил и группировок, «торможение» проекта полицейской реформы в Государственной Думе и

---

* Точно с такими же проблемами столкнулись и сотрудники охранных отделений при налаживании взаимодействия с корпусом жандармов.

Государственном Совете, незаинтересованность в ней представителей местной администрации. По этому поводу Столыпин еще в 1911 г. с горечью констатировал: «Почти узаконен наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную Думу. Признание их здесь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный Совет; в Государственном Совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона» [4, с. 353].

Нереальным оказался и план по трехкратному увеличению расходов на полицию, так как большинство статей бюджета страны, в том числе и бюджет МВД, утверждался Государственной Думой.

Таким образом, безответственные действия оппозиции, всячески препятствовавшей принятию полноценных законодательных инициатив в сфере правопорядка, а также отсутствие решительности со стороны властей в деле реализации задуманного привели к тому, что в сложных внутриполитических условиях 1916-1917 гг. ни МВД, ни российская полиция оказались не способны обеспечить эффективную защиту государства.

Литература

1. Костылев А.О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской империи (1880-1917 г.г.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
2. Министерство внутренних дел. 1902-2002. Исторический очерк / под ред. Р.Г. Нургалеева. М., 2004.
3. Мулукаев Р.С., Малыгин А.Я., Елифанов А.Е. История отечественных органов внутренних дел. М., 2005.
4. Петр Аркадьевич Столыпин Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906-1911 гг. Нам нужна великая Россия... М., 1991.
5. Фомичев А.Ю. Проблемы реформирования в системе органов внутренних дел: история и современность. Орел, 2004.

УДК: 947.084.51.66351.74(571.6)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МИЛИЦИИ В 1917–1922 ГГ.

Наталья Алексеевна Шабельникова, профессор кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
доктор исторических наук, профессор

E-mail: nhistorik@mail.ru

В статье рассматривается исторический опыт формирования органов дальневосточной милиции в 1917-1922 гг. Дается общая характеристика обстановки, сложившейся на Дальнем Востоке в процессе гражданской войны и иностранной военной интервенции. Рассматриваются условия и необходимость создания правоохранительных органов. Анализируются особенности комплектования милицейских подразделений в изучаемый период. Определяются основные этапы становления органов дальневосточной милиции.

Ключевые слова: комитеты общественной безопасности (КОБы); Красная гвардия; народная милиция ДВР; преступность; Дальний Восток; Россия; исторический опыт.

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE FAR EAST AGENCIES FORMATION IN 1917-1922

Natalia Alexeyevna Shabelnikova, chair professor of Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Doctor of History, professor

The article deals with the historical experience of the Far East Militia agencies formation during the period of 1917-1922. The author gives the general characteristics of the situation in the Far East during the civil war and foreign military intervention, and considers the necessity to establish law enforcement agencies. The features of filling in the Militia divisions during the period under research are analyzed. The author determines the main stages of the formation of the Far East Militia agencies.

Keywords: social security committees; The Red guard; The National Militia of the Far East Republic; crime; The Far East; Russia; the historical experience.

Актуальность изучения истории милиции определяется важной ролью, выполняемой органами внутренних дел в процессе реформирования российского общества. Сложная криминогенная обстановка в стране, увеличение количества преступлений и правонарушений значительно усложнили деятельность органов внутренних дел. Борьба с преступностью вышла далеко за рамки национальных границ и превратилась в одну из глобальных проблем современности. Вместе с тем в нашей стране, и в частности на Дальнем Востоке, накоплен значительный положительный опыт деятельности милиции в сложной экономической и политической ситуации. Один из таких периодов – 1917-1922 гг.

Дальневосточная милиция была образована в марте 1917 г., когда рушились устои старого уклада и формировалось новое общество. Одновременно с образованием Советов на Дальнем Востоке создавались местные органы Временного правительства – комитеты общественной безопасности (КОБы). Несмотря на то, что большинство этих комитетов состояло из представителей крупной и мелкой буржуазии и их политических партий (кадетов, монархистов, республиканцев, меньшевиков и эсеров), некоторые из них возглавили коммунисты: Хабаровский – А.И. Малышев, председатель Хабаровского комитета РСДРП; Александровский (на Сахалине) – А.Т. Цапко, начальник радиостанции; Анадырский – П.В. Каширин, рабочий [13, с. 15-16]. Именно комитетами общественной безопасности была упразднена полиция и жандармерия, принято решение о создании на предприятиях боевых дружин из рабочих для охраны общественного порядка.

Народная милиция создавалась на выборных началах по принципу: «от солдат столько же, сколько от рабочих, а от рабочих столько же, сколько от местных жителей». Поскольку в аппараты вновь создаваемой народной милиции сразу же потребовались специалисты (особенно по линии уголовного розыска), то от «местных жителей» брали бывших полицейских работников [14, с. 11]. Пока существовали земства и думы на территории Дальнего Востока, милиция находилась в их ведении [7, ф. 393, оп. 2, д. 44, л. 14].

Первые милицейские подразделения были созданы во Владивостоке. 15 марта 1917 г. городская управа, «в интересах спокойствия населения города», просила местный комитет общественной безопасности «безотлагательно принять меры для немедленной реорганизации существующей в городе полиции на началах, указанных Временным правительством» [16, док. ф. 350]. На заседании городского Совета было принято решение об организации народной милиции и установлении контроля за деятельностью телеграфа. По постановлению городского Совета и с помощью местного комитета общественной безопасности 19 марта 1917 г. во все полицейские участки города

была введена милиция из рабочих и солдат. Ее возглавил член исполкома Совета, демократически настроенный и пользовавшийся большим авторитетом среди военных моряков штабс-капитан флота П.И. Калинин.

В декабре 1917 г. на III краевом съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Дальнем Востоке была провозглашена власть Советов. Основной задачей новых органов власти стало сохранение общественного порядка и организации органов милиции [10, с. 28-30]. Правовым актом, обладавшим учредительной силой и возложившим на Советы как органы государственной власти обязанности организации рабочей милиции, явилось постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» [23, с. 15]. Однако этот нормативный акт не определил конкретных организационных форм рабочей милиции. Поэтому возникали различные и организационные формы, среди которых наиболее распространенной была Красная гвардия. В письме ЦК РКП(б) местным партийным организациям указывалось, что Красная гвардия является первым звеном народной милиции и поэтому не следует отказываться от идеи ее создания, а, наоборот, всячески развивать ее [18, с. 37].

Одновременно с созданием отрядов Красной гвардии при исполкомах Советов организуются комиссии по комплектованию аппарата милиции. В газете «Дальневосточные известия» проводилась широкая агитационная работа по набору. В милицию принимались лица после обсуждения их кандидатур в рабочих коллективах и по их рекомендации [28, с. 17]. Начальником Хабаровской городской милиции стал член большевистской партии М.Е. Попко. Уездную Хабаровскую милицию возглавил бывший крестьянин-батрак Г.К. Гнатенко. Начальником Амурской милиции был назначен большевик Г.И. Митин. Первоначальный штат милиции определялся в 250 человек [6, с. 14].

Дальневосточная милиция формировалась в первую очередь как «вооруженная сила для защиты власти Советов», а также для организованных действий по борьбе с преступностью. Например, с целью «принятия решительных мер против расхищения имущества» 15 февраля 1918 г. исполком Владивостокского Совета создал особый комитет по охране народного имущества, в состав которого входили представители военных, Красной гвардии, милиции и других организаций. Сформированные комитетом комиссии взяли на учет и опечатали находившиеся в городе многочисленные военные и гражданские грузы [9, ф. 230, оп. 1, д. 1, л. 2].

Поддержка Советов в борьбе за власть являлась главной составляющей в деятельности милиции. Так, в феврале 1918 г. в Благовещенске был раскрыт крупный заговор организации «Союз борьбы с анархией», совершавший террористические акты. В ходе оперативных действий были конфискованы большие запасы оружия и боеприпасов. Однако проведенные мероприятия не смогли предотвратить мятеж в Амурской области. 6-13 марта 1918 г., при непосредственном участии японских и китайских заинтересованных кругов, в Благовещенске был осуществлен переворот под руководством правого эсера Гамова. В подавлении мятежа участвовали отряд Красной гвардии (в количестве 350 человек) и сводный отряд Хабаровской милиции под руководством Г.К. Гнатенко [9, ф. 230, оп. 1, д. 1, л. 2].

14 марта Благовещенск был освобожден и власть Советов в области восстановлена. Для усиления охраны области при исполкоме Совета создается чрезвычайный орган – штаб, которому предписывалось «руководить восстановлением строгого революционного порядка в городе и окрестностях» [3, с. 15]. Штаб координировал действия отрядов милиции и Красной гвардии, которые должны были задерживать всех занимающихся грабежами и производящих насилие над мирными гражданами. Несмотря на сложность обстановки, руководство штаба требовало соблюдения строгой законности: «всех задержанных грабителей необходимо немедленно доставлять в революционный штаб; никаких насилий над арестованными не допускать; обыски производить только по распоряжению штаба». Военно-революционные штабы были созданы на всех крупных станциях Амурской железной дороги: в Бочкарево, Облучье, Зилово, Магдагачи,

Архаре и др. Для противодействия контрабандистам усилена граница по Амуру [15, с. 147].

Военно-революционные штабы координировали действия по подавлению в Забайкалье попытки мятежа атамана Семенова. Участие в этой операции принимал сформированный в Приморье и Приамурье из Красной гвардии и милиции Социалистический отряд под командованием В.А. Бородавкина [8, ф. 70, оп. 2, д. 25, л. 10-11].

В начале 1918 г. политическая обстановка на Дальнем Востоке крайне осложнилась. В ночь с 4 на 5 апреля японцы организовали провокацию во Владивостоке, используя ее как предлог для начала интервенции. 5 апреля Дальбюро РКП(б) и Владивостокский Совет информировали ЦК РКП(б) и СНК РСФСР о высадке иностранного десанта. Советское правительство немедленно заявило протест находившимся в Москве представителям Англии, Франции и Америки. Сибирь и Дальний Восток объявляются на военном положении. Советам рекомендуется немедленно создать военно-революционные штабы для борьбы против контрреволюции и отряды Красной гвардии, в состав которых входила бы и милиция [7, ф. 393, оп. 2, д. 72, л. 23, 41]. Во второй половине апреля военно-революционные штабы ввели чрезвычайное положение на территории Сибири и Дальнего Востока. Лица, уличенные в грабежах, насилии, мародерстве, хранении оружия, подлежали расстрелу [9, ф. 1182, оп. 1, д. 1, л. 39]. В этих условиях милиции отводилась особая роль – вооруженного отряда, поддерживающего власть Советов.

15 мая 1918 г. НКВД РСФСР направил всем губернским исполкомам телеграфное распоряжение об организации штатной рабоче-крестьянской милиции [2, с. 9]. На территории Дальневосточного края процесс создания штатной рабоче-крестьянской милиции имел свои особенности. Во-первых, это был процесс реорганизации земской «народной милиции» в советскую (а практически – создание нового аппарата), который протекал в чрезвычайных условиях: высадка японского десанта во Владивостоке; мятеж в Благовещенске; введение осадного положения в Забайкалье в связи с выступлением Семенова. Это требовало от вновь создаваемых подразделений сочетания непосредственно милицейских функций с борьбой за власть, что значительно усложняло процесс реорганизации. Во-вторых, формирование милиции происходило без каких-либо инструкций и указаний из центра, хотя потребность в этих документах на Дальнем Востоке была жизненно необходима, т.к. «без них работа крайне затруднялась». Поэтому, опираясь лишь на собственный опыт, исходя из местных условий, на Дальнем Востоке создавались при местных Советах самостоятельные, отдельные от армии и Красной гвардии, милицейские органы. Этот процесс проходил не везде одновременно и одинаково. В данный период не существовало единого руководства, не была сформирована и единая структура органов милиции.

Отличительной особенностью формирования органов милиции на Дальнем Востоке являлось то, что они стали создаваться за полгода до принятия НКВД РСФСР постановления «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» [5, с. 1-4]. В соответствии с этим правовым актом милиция должна была стать профессиональной государственной структурой – «исполнительным органом рабоче-крестьянской центральной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении местных Советов и подчиняющийся общему руководству НКВД». Например, в Хабаровске еще до роспуска городской думы в январе 1918 г. исполком Советов рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о передаче всех аппаратов городской и уездной милиции в непосредственное подчинение Совету [28, с. 17]. Образованной для осуществления этой задачи комиссией были уволены все работники старой городской и уездной милиции. Формирование кадрового состава происходило в соответствии с классовым принципом – из рабочих, крестьян, преимущественно членов большевистской партии. Начальником управления уездной милиции назначается Г.К. Гнатенко, заместителем начальника

– А.И. Кокоревич, начальником Хабаровского уголовного розыска – И.А. Макаров [17, док. ф. 56].

В связи с тем, что милиция на Дальнем Востоке образовывалась по усмотрению местных Советов и часто переходила из подчинения одного органа другому, то из-за отсутствия архивных источников трудно проследить структуру построения аппаратов милиции в исследуемый период. Например, в г. Благовещенске, областном центре Амурской области, имелось управление милиции, состоявшее из 5 отделений, во главе которого стоял комиссар по охране города, он же начальник городской милиции. В других городах области находились аппараты милиции, содержавшиеся за счет средств местных бюджетов, которые и определяли штат этих органов. С осложнением военно-политической обстановки в Приамурье милиция как боевая единица поступала в непосредственное подчинение военных комиссаров. Так, когда в июне 1918 г. Амурская область была объявлена на военном положении, то в приказе Дальневосточного Совета Народных Комиссаров отмечалось, что «вся железнодорожная, уездная и городская милиция поступает в распоряжение районных военных комиссаров».

Некоторые особенности имели место и в формировании приморской милиции. С начала 1918 г. милиция г. Владивостока была передана в ведение города, причем до конца января обязанности милиционеров по-прежнему исполнялись чинами Владивостокского гарнизона, а с 1 февраля 1918 г. их заменили вольнонаемные милиционеры. Городское управление милиции Владивостока состояло из начальника, заместителя и заведующих отделами (уголовного розыска, наружной службы, транспорта). Территория города разделялась на милицейские участки, к которым прикомандировывались пешие и конные милиционеры [24, с. 56]. В целях оперативной борьбы с определенными видами правонарушений формировались специальные подразделения милиции. Например, в этот же период во Владивостоке был организован «летучий отряд» по борьбе с пьянством.

Кандидаты на службу в милицию, в соответствии с решением городских властей, должны были представлять рекомендации от известных в городе лиц, но из 400 требуемых штатных единиц рекомендации смогли представить лишь около 15 человек. В результате, по свидетельству современников, «в милицию набирали лиц по впечатлению, из-за чего в ней оказались элементы преступные и слабые» [16, док. ф. 802]. Работа по организации вольнонаемной владивостокской милиции проводилась под руководством Л.П. Харитонова, который являлся ее первым начальником [16, док. ф. 350].

Окончательное подчинение владивостокской милиции местному Совету произошло только в начале мая 1918 г. В соответствии с приказом исполкома Владивостокского Совета от 8 мая 1918 г. № 19 при комиссариате внутренних дел городского Совета был создан отдел охраны города. Ему передавались в подчинение все органы внутренних дел, существовавшие на территории города: Управление владивостокской городской милиции, уголовно-розыскное отделение, секция по борьбе с пьянством и адресный стол, находившиеся ранее в ведении городского самоуправления.

Комиссаром по внутренним делам Приморской области в мае 1918 г. стал К. Суханов, начальником городской милиции был утвержден Д. Мельников, а аппарат уголовного розыска возглавил Л. Проминский. В связи со свержением власти Советов в июне 1918 г. советизация приморской милиции не была доведена до конца.

На севере Дальневосточного края (в Петропавловске-Камчатском, Николаевскена-Амуре, Охотске и др.) работа по организации специального аппарата милиции практически не проводилась, т.к. в небольших городах, представляющих собой, как правило, волостные административные центры, милицейские функции сразу же взяла на себя Красная гвардия.

Первый опыт создания милиции был предпринят решением Камчатского Совета в конце апреля 1918 г. Вскоре исполком разработал и принял «Временную инструкцию о милиции», которая стала одним из первых нормативных актов советской милиции на

Дальнем Востоке. «Временная инструкция» определила права и обязанности работников милиции, которые должны были нести охрану общественного порядка, вести борьбу с пьянством, спекуляцией, контрабандой и т.п. Вместе с тем «Временная инструкция» возлагала на работников милиции несвойственные им обязанности: контроль за ввозом и вывозом рыбы, пушнины, икры и т.п. В целом «Временная инструкция» сыграла положительную роль в деле организации советской милиции на Камчатке [24, с. 55].

Процесс организационного становления милиции на Дальнем Востоке был прерван в августе 1918 г. в связи с началом масштабной интервенции и высадки иностранных войск во Владивостоке. На оккупированной интервентами территории сотрудники советской милиции были вынуждены уйти в подполье [16, док. ф. 907]. С целью «обеспечения должного порядка и законности» при Колчаке, Хорвате, Семенове была восстановлена старая милиция и образована военная полиция интервентов.

В течение 1919-1920 гг. военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке оставалась сложной. К началу 1920 года на фронтах гражданской войны наступило временное затишье. Колчак был разгромлен, правительства США, Англии и Франции, убедившись в бесплодности открытой интервенции, начали эвакуацию своих войск. В освобождаемых регулярной Красной Армией и партизанами районах Сибири и Дальнего Востока вводились в действие советские законы, вновь образовывались органы милиции [12, с. 27].

Положение на Дальнем Востоке усугублялось продолжавшейся интервенцией Японии (войска которой имели огромное численное превосходство и занимали выгодное стратегическое положение). В начале 1920 г. на территории от Байкала до Тихого океана образовалось три самостоятельных правительства. В Приморье, где после разгрома Колчака оставались японские войска, власть возглавляла земская управа. В Амурской области, откуда эвакуировались японские войска, установилась власть Советов. В Прибайкалье власть перешла к земству, а между Приморским и Амурским правительствами, с одной стороны, и Прибайкальским – с другой, находилась так называемая «читинская пробка» – правительство атамана Семенова. Оставалась угроза прямого столкновения с Японией и экономической блокады на востоке страны. В сложившейся обстановке руководящими органами страны было принято компромиссное решение: воздержаться от официального восстановления советской власти на Дальнем Востоке и создать на его территории «буферное» государство – Дальневосточную республику [11, с. 8-29].

Начало созданию и правовому оформлению милиции на востоке страны было положено приказом министра внутренних дел ДВР от 24 ноября 1920 г. На основании этого нормативного акта в г. Чите было образовано Главное управление милиции, которое состояло из трех отделов: общего, инструкторского и снабжения. В подчинении у Главного управления милиции находилось 5 областных управлений милиции, 14 городских и 17 уездных отделов милиции.

Правовые основы организации и деятельности милиции ДВР были определены «Временным положением о народной милиции ДВР», изданным правительством ДВР 8 февраля 1921 г. [25, с. 28]. При составлении этого документа использовался нормативный материал о советской милиции, в частности «Положение о рабоче-крестьянской милиции РСФСР» от 10 июня 1920 г. Согласно «Временному положению», милиция входила в систему МВД. Она была военизирована и действовала как вооруженный исполнительный орган государственной власти, которому придавалось значение вооруженных частей особого назначения со всеми вытекающими из этого положения правилами и обязанностями. Милиция, находившаяся в районе боевых действий, могла по требованию военного командования привлекаться в ряды НРА, но по выходе данной территории из района боевых действий она была обязана немедленно приступить к исполнению своих прежних обязанностей.

Согласно «Временному положению», центральным органом милиции являлось Главное управление при МВД ДВР. Оно осуществляло общее руководство деятельностью всей милиции ДВР: издавало приказы, инструкции и распоряжения; принимало меры по улучшению политической специализации подготовки работников милиции и по укреплению дисциплины; проводило инспектирование и контрольные проверки деятельности органов милиции. Начальник Главного управления милиции назначался правительством по представлению МВД (в январе 1921 г. им был назначен бывший командир партизанского отряда В.Е. Сержант) [27, с. 211].

В Положении о милиции закреплялся принцип ее двойного подчинения. С одной стороны, милиция подчинялась местным органам управления, с другой – Главному управлению милиции, чьи приказы и распоряжения имели обязательный характер. Местные органы государственной власти не имели права приостанавливать выполнение приказов Главного управления милиции и в случае своего несогласия должны были представлять в письменном виде докладные в МВД.

Главное управление милиции структурно включало следующие отделы: инструкторский, информационный, уголовно-розыскной, паспортный, снабжения, общую канцелярию и хозяйственную часть. Областное управление милиции состояло из аналогичных отделов. Во главе областного управления милиции стоял начальник, который назначался областным управлением и утверждался МВД по представлению начальника милиции «буферной» республики.

Общее руководство уездной и городской (на правах уездной) милицией осуществляли уездное и городское управления милиции. Начальники городской и уездной милиции назначались областными управлениями (облнарревкомом) по представлению начальника областной милиции. Областные, уездные и городские органы милиции выполняли в пределах своей территории те же функции, что и Главное управление милиции. При городских и уездных управлениях милиции имелись канцелярия, отделения уголовного розыска, паспортный отдел, конный резерв, помещение для арестованных. Территория уездов и городов подразделялась на участки, которые возглавлялись участковыми начальниками милиции, имевшими в своем распоряжении небольшой аппарат. Деятельностью участковых милиционеров руководило уездное управление милиции.

В соответствии с «Временным положением» о народной милиции Главное управление разрабатывало штаты общемилицейских подразделений на местах. К моменту открытия Учредительного собрания (февраль 1921 г.) численный состав милиции ДВР определялся в 11 600 человек, к 1 мая 1921 г. число сотрудников было сокращено до 8149 человек в связи с ограниченностью финансовых средств в бюджете республики [4, с. 58].

В конце апреля 1921 г. Специальной декларацией Совета министров республики правительством ДВР на Министерство внутренних дел (МВД) республики возлагалась охрана государственного строя и правопорядка. В составе Министерства были учреждены отделы государственной политической охраны и милиции. На отдел милиции возлагалась задача организации милицейских подразделений на местах, руководство и контроль за их деятельностью [29, с. 88-94]. В городах и промысловых районах, где было много «пришлого элемента» и высокий уровень миграции, один милиционер приходился на 300 жителей, в сельской местности – на 400-500 жителей [20, с. 16].

Комплектовалась милиция ДВР как на мобилизационной основе (на 2 года), так и на добровольных началах (срок службы не менее 1 года). На службу принимались граждане не моложе 21 года и не старше 50 лет. Из этого общего правила были допущены исключения. Так, по «Положению о милиции транспорта ДВР» на службу в органы транспортной милиции принимали граждан с 18 до 55 лет. Это должны были быть лица грамотные, пользующиеся избирательным правом, не состоявшие под следствием и судом, по здоровью пригодные к прохождению службы в органах милиции. Данные

требования призваны были обеспечить пополнение милиции за счет преданных народной власти граждан.

Все структурные звенья аппарата народной милиции были разделены на милицейские участки, отделения и волостные пункты. В городах и уездах было сформировано 113 милицейских участков. На железных дорогах образованы 302 отделения и волостных пункта. Весь личный состав народной милиции (без Приморья) насчитывал 4243 чел., из которых рядового состава – 3039 чел., командного состава – 540. Штатная численность Прибайкальской милиции составляла 975 сотрудников, Забайкальской – 865, Амурской – 938, Приамурской – 410 [4, с. 61-62].

Главным управлением была проделана большая работа по формированию штатов народной милиции, однако оно не стало руководящим центром. Его начальник реально руководил только читинской городской милицией. Руководство остальными звеньями милиции ограничивалось в основном канцелярской перепиской. Аппарат милиции строился без определенной системы. В результате отдельные областные, уездные и городские органы милиции оказались связанными формально между собой и Управлением милиции республики. Развивался сепаратизм, порожденный «не только ошибочным представлением положения милиции в системе государственных учреждений и неясным пониманием задач, но и просто упрямой злонамеренной волей и капризом отдельных начальников» [9, ф. 18, оп. 1, д. 5, л. 20]. Последние по своему усмотрению определяли численность сотрудников подчиненных им подразделений и распускали целые милицейские участки, руководствуясь сложившимся представлением о законности, отдавали под суд десятки своих сотрудников [1, ф. 41].

На особом положении находилась милиция Приморья. На территории, контролируемой меркуловским правительством, была восстановлена колчаковская милиция. В тех районах, на которые власть меркуловского правительства не распространялась, функционировали подразделения милиции, поддерживавшие правительство ДВР. Управление областного правительственного инспектора ДВР было сформировано в г. Имане. Общее число личного состава ольгинской, никольск-уссурийской и иманской милиции составляло 509 человек [16, док. ф. 940].

По социальному составу милиция ДВР в основном формировалась из крестьян (89 %), к работе была привлечена и группа старых специалистов (3 %). Архивные документы свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период имели место трудности по укомплектованию аппаратов милиции. Приходилось принимать, вопреки установленным требованиям, на должности милиционеров людей, не подготовленных к несению милицейской службы. 14 апреля 1921 г. оперативное управление НРА сообщало Военному совету республики, что в милиции ДВР много чуждых элементов, которые относятся враждебно к народной власти, допускают нарушения законности и различные злоупотребления служебным положением. Личный состав народной милиции – от областных начальников милиции до волостных милиционеров – был сформирован без учета профессиональных и нравственных качеств, без проверки его прежнего стажа. В силу этого кадровый состав народной милиции не отвечал необходимым профессиональным и общественным требованиям. В середине 1921 г. эти вопросы были обсуждены на заседании Дальбюро ЦК РКП(б), на котором принято постановление об укреплении органов милиции. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, начальники местных органов милиции постоянно сообщали в высшие партийные и государственные инстанции о нехватке опытных кадров. Недокомплект сотрудников милиции ДВР на 1 марта 1922 г. составлял 738 человек.

Приказ по милиции ДВР от 27 августа 1921 г. № 39 обязывал работника милиции прививать гражданам уважение к закону и добиваться конкретных результатов по предупреждению и пресечению преступности. Каждый поступающий на службу в милицию брал на себя обязательство стоять на страже правопорядка и законности, соблюдать строгую дисциплину, беспощадно подавлять всякое посягательство на народную

власть, не разглашать служебной тайны. Это обязательство (подписка) являлось, по сути, присягой работника милиции. В целях улучшения подбора кадров для поступающих на службу в милицию устанавливался испытательный срок (не менее месяца). Для сотрудников милиции были введены особая форма и знаки отличия.

В рассматриваемый период предпринимаются меры к повышению профессиональной подготовки командного и рядового состава милиции, обеспечению в ее рядах законности и дисциплины. При этом особое внимание уделяется изучению состояния и деятельности подразделений милиции во всех областях республики инспекторами Главного управления народной милиции. Одновременно проводится проверка личного состава и увольнение сотрудников, несоответствующих по своим нравственным качествам службе в милиции. С этой целью на основе специального приказа начальника Главного управления милиции ДВР в центре и на местах создаются аттестационные комиссии. В результате проведенных преобразований к октябрю 1921 г. штат милиции Дальнего Востока уменьшился (по сравнению с октябрём 1920 г.) с 11 600 до 5040 человек. Сокращение штатной численности практически вдвое объяснялось, во-первых, недостаточным финансированием и, во-вторых, необходимостью улучшения качественного состава милиции.

Меры, принятые правительством ДВР и Дальбюро РКП(б) для усиления централизованности правоохранительных органов, имели свои положительные результаты, но были еще явно недостаточными, так как областное звено все еще оставалось обособленным, что ставило серьезные препятствия на пути укрепления законности. Необходимость дальнейшей реорганизации органов управления дальневосточной милиции вызывалась еще и тем, что 27 апреля 1921 г. Учредительное собрание разработало и утвердило Основной закон – Конституцию ДВР. Поэтому необходимо было Положение о милиции привести в соответствие с Конституцией и узаконить. 22 июля 1921 г. принимается Закон «Об особой охране государственного порядка и общественной безопасности» [9, ф. 18, оп. 1, д. 2, л. 142]. Органы милиции, согласно этому документу, наделялись правом производства следственных действий, обысков, арестов, задержания лиц, совершивших преступление.

Свое дальнейшее развитие правовое обеспечение деятельности милиции ДВР получило в принятом 8 сентября 1921 г. Законе «О милиции» и в утвержденном правительством новом, уже постоянном, «Положении о народной милиции ДВР» [21]. В соответствии с этими документами главной функцией милиции становилась охрана общественного порядка и безопасности граждан. К предмету ведения милиции относилось предупреждение и пресечение нарушений порядка; наблюдение за исполнением всеми гражданами законов и постановлений государственной власти; оказание содействия государственным органам в осуществлении ими своих обязанностей; оповещение населения о распоряжениях органов власти; выдача удостоверений личности, справок, свидетельств; содействие исполнению судебных приговоров. Таким образом, на милицию возлагался широкий круг обязанностей: от предупреждения, пресечения преступлений и проведения дознания по уголовным делам до содействия государственным органам в выполнении ими своих обязанностей.

Согласно правовым документам, проводилась дальнейшая реорганизация органов милиции. Областные управления милиции с 4 октября 1921 г. упразднялись, и учреждались областные правительственные инспекторы народной милиции. Временно исполняющим должность Главного правительственного инспектора народной милиции был назначен Н.И. Колесниченко. Областные управления возглавили: Прибайкальское – К.Г. Лагошний, Забайкальское – Н.Н. Антонов, Амурское – А.К. Дубровин, Приамурское – Г.К. Гнатенко. Приказом Главного правительственного инспектора народной милиции ДВР от 7 октября 1921 г. № 1 Главное управление переименовывалось в Управление народной милиции МВД ДВР, а инспекторы Главного управления – в инспекторов-ревизоров инструкторского отдела Управления народной милиции ДВР.

С этого времени народная милиция стала централизованным органом охраны внутреннего порядка и безопасности, исполнительным аппаратом государственной власти, находящимся в непосредственном ведении МВД и действующим под контролем областных, городских и уездных управлений. В результате структурной перестройки органов милиции ДВР к концу 1921 г. было сформировано 5 областных управлений милиции: Прибайкальское, Забайкальское, Амурское, Приморское и Приамурское; 3 управления милиции отдельных железных дорог: Читинской, Амурской и Уссурийской; 14 городских и уездно-городских; 21 уездный отдел [16, док. ф. 907].

Новое организационное устройство милиции предполагало перенесение основной работы в город и уезд, вело к значительному сокращению управленческого аппарата. По новому положению, штат милиции определялся в зависимости от числа жителей в той или иной области, городе и уезде и был значительно сокращен. Так, в городах с населением до 80 000 жителей предусматривался один милиционер на 500 человек, с населением свыше 80 000 – один милиционер на 600 человек [19, с. 221]. Общий штат был установлен в 1440 человек командного состава и канцелярских служащих и 3600 милиционеров (всего 5040 человек) [4, с. 38]. На практике установленные штаты не выдерживались из-за отсутствия средств. За период с декабря 1921 по октябрь 1922 г. численность милиции ДВР уменьшилась с 4243 до 2837 чел. [26, с. 199].

Весной 1922 г., проанализировав состояние и результативность работы органов милиции, МВД республики пришло к выводу о необходимости разработки и введении дополнительных мер по совершенствованию милицейского аппарата. На основании сделанных выводов были намечены первоочередные задачи по совершенствованию народной милиции республики [17, док. ф. 56]: приступить к разработке правового фундамента (сборников, инструкций) для органов милиции; реорганизовать управление народной милиции, преобразовав его из «мертвой канцелярии» в действительно руководящий аппарат; разработать и ввести единую систему комплектования личного состава от областного инспектора до волостного милиционера; устранить разобщенность милицейских аппаратов на местах.

В июне 1922 г. правительство ДВР утвердило новое Положение о Министерстве внутренних дел республики, в соответствии с которым была начата реорганизация управления народной милиции ДВР. Она предусматривала проведение следующих мероприятий: обобщение и систематизацию ведомственных нормативных актов и инструкций; разработку Положения о правах и обязанностях лиц командного и рядового состава; проведение отдельных мер по улучшению профессиональной подготовки и расстановке кадров.

В связи с этим 27 июля 1922 г. были выработаны и утверждены сокращенные временные штаты милиции республики. 12 сентября правительством ДВР принят Закон об установлении штатов милиции республики [22, с. 231]. МВД ДВР приступило к разработке проекта нового Закона о милиции. Однако начатая в этом направлении работа была приостановлена в связи с процессом вхождения ДВР в состав России в ноябре 1922 г.

Таким образом, значительное влияние на создание органов милиции оказала обстановка, которая сложилась в регионе в изучаемый период. В годы гражданской войны Дальний Восток развивался в весьма самобытных условиях, что было связано с особенностями его политического положения. Советская власть здесь первоначально установилась ненадолго, и Дальний Восток фактически (а в 1920-1922 гг. и юридически) не входил в состав РСФСР. Сама территория Дальнего Востока в этот период не представляла собой политического единства – нередко здесь существовало одновременно несколько политических режимов, которые не только конкурировали, но и даже вели между собой вооруженную борьбу. С объединением областей Дальнего Востока и принятием Конституции ДВР начала складываться единая для всей республики система правоохранительных органов.

Исходя из изучения региональных условий, в становлении и развитии органов дальневосточной милиции в 1917-1922 гг. можно выделить ряд этапов.

Первый этап (1917 – весна 1920 гг.) – не существовало единой структуры органов милиции, которые первоначально находились в подчинении органов Временного правительства – Комитетов общественной безопасности (КОБов), а затем – земств и Советов. Не существовало централизованного руководства милицией, органы милиции создавались исходя из местных условий и функционировали в виде военно-революционных штабов, отрядов Красной гвардии и народной милиции.

Второй этап (весна 1920 – февраль 1921 гг.) – создание народной милиции было начато в условиях, когда на территории провозглашенной ДВР действовали три самостоятельных правительства, что препятствовало осуществлению централизованного руководства строительством аппарата народной милиции по единой системе и на общих организационных принципах; формирование правоохранительных органов проводилось без каких-либо организационно-правовых оснований; местные органы власти по своему усмотрению определяли структуру, численность и задачи органов милиции.

Третий этап (февраль – сентябрь 1921 г.) – реальное объединение областей в единую Дальневосточную республику, избрание центрального правительства и принятие Конституции республики; начало становления правовых основ органов милиции – принятие Временного положения о народной милиции ДВР (8 февраля 1921 г.), образование Министерства внутренних дел, в составе которого находилась госполитохра и милиция, Главного управления народной милиции, утверждение общих для всей милиции ДВР штатов.

Четвертый этап (сентябрь 1921 г. – июнь 1922 г.) – принятие Закона «О милиции» и «Положения о народной милиции Дальневосточной республики»; утверждение двойного принципа подчинения милиции; проведение структурных изменений в аппарате милиции. Особенность периода – впервые строительство аппарата милиции и его функционирование осуществлялось на правовых основах, закрепленных юридически в законе.

Пятый этап (июнь-ноябрь 1922 г.) – утверждение нового Положения о Министерстве внутренних дел республики, на основе которого реорганизовано Управление народной милиции ДВР; разработка проекта нового Закона о милиции; впервые принят Закон об установлении штатов народной милиции республики.

Исследование процесса становления органов дальневосточной милиции в 1917-1922 гг. показывает, что формирование народной милиции осуществлялось не только с учетом региональных особенностей и характера «буферной» республики, подкрепляемого соответствующими правовыми актами, но и с использованием практического опыта правоохранительных органов РСФСР. Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что в первые послереволюционные годы и в условиях гражданской войны на Дальнем Востоке определенная организационная работа привела к качественным изменениям в правовом статусе милиции, который в 1920-е годы с учетом новой исторической обстановки получит дальнейшее развитие.

Литература

1. Амурский областной музей краеведения.
2. Афанасьев А.А. Российская милиция в документах и фактах. Краткая хроника (октябрь 1917 г. – первая половина 1997 г.). Саратов, 1997.
3. Берляков А.А., Шеронов В.С. Становление и развитие советской милиции на Дальнем Востоке (1917-1926 гг.): учеб. пособие. Хабаровск, 1987.
4. Вестник Министерства внутренних дел. 1921. № 1.
5. Вестник НКВД. 1918. № 23.
6. Воробьев Р.А. Советская милиция Приамурья (1917-1925 гг.). Хабаровск, 1989.
7. Государственный архив Российской Федерации.
8. Государственный архив социально-политической истории.

9. Государственный архив Хабаровского края.
10. Дальсовнарком. 1917–1918 гг.: сб. док. и мат-лов. Хабаровск, 1969.
11. Ермакова Э.В. Советская историография Дальневосточной республики // Из истории Дальневосточной республики: сб. науч. тр. Владивосток, 1992.
12. Исаева Т.С., Сонин В.В. Правоохранительные органы на Дальнем Востоке (1917-1926 гг.). Владивосток, 1975.
13. История Дальнего Востока СССР. Кн. 6. Владивосток, 1976.
14. Красный милиционер Приморья. Владивосток, 1924.
15. Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917-апрель 1918 г.). Владивосток, 1983.
16. Музей УВД Приморского края. Документальный фонд 350.
17. Мулукаев Р.С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920 гг.): учеб. пособие. М., 1975.
18. Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. 1921. № 15 (11).
19. Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. 1921. № 2 (6).
20. Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. 1921. № 5. Ст. 112.
21. Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. 1922. № 10 (26).
22. Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 1.
23. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 1987.
24. Сонин В.В. Государство и право Дальневосточной республики (1920-1922 гг.): учеб. пособие. Владивосток, 1982.
25. Сонин В.В. Государство и право Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Владивосток: Дльнаука, 2011.
26. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики. 1920-1922 гг. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1991.
27. Ходасевич А.П. Милиция таежного края. Хабаровск, 1969.
28. Худяков П.П. Становление правоохранительной системы Дальневосточной республики // Государственно-правовое развитие дальневосточного региона и роль органов внутренних дел в этом процессе. Хабаровск, 1994.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

---

18 апреля 2014 г. Дальневосточным юридическим институтом МВД России совместно с Хабаровским краевым судом была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступлениям против личности».

В работе конференции приняли участие представители профессорско-преподавательского состава института, судьи Хабаровского краевого суда, сотрудники Главного управления МВД России по ДФО, Управления на транспорте МВД России по ДФО, Дальневосточного следственного управления на транспорте СК России, Следственного управления СК России по Хабаровскому краю, преподаватели, аспиранты и студенты вузов г. Хабаровска.

С основными докладами выступили:

- Николюк Вячеслав Владимирович, профессор кафедры уголовного процесса Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ («Правосудие в отношении несовершеннолетних: векторы «дрейфования» отечественной доктрины, законодательства и правоприменения»);

- Макаров Андрей Владимирович, декан Юридического института Забайкальского государственного университета доктор юридических наук, профессор («Преступления против несовершеннолетних: вопросы совершенствования дифференциации уголовной ответственности»);

- Жукова Светлана Леонидовна, уполномоченный по правам ребенка в Хабаровском крае («Защита прав детей, пострадавших от преступлений»);

- Тулиглович Максим Анатольевич, начальник учебного отдела Дальневосточного юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент «Энтропийный оптимум уголовно-правовой охраны личности»;

- Волков Константин Александрович, судья Хабаровского краевого суда, кандидат юридических наук, доцент («О судебной практике по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних»);

- Антонова Елена Юрьевна, заведующий кафедрой Хабаровской государственной академии экономики и права доктор юридических наук, доцент («Понятие преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних»).

В рамках конференции был проведен «круглый стол» на тему «Состояние и тенденции развития законодательства в сфере уголовно-правовой охраны несовершеннолетних».

28 мая 2014 г. в Дальневосточном юридическом институте МВД России состоялась межвузовская научно-практическая конференция курсантов, слушателей и студентов «Молодежь. Наука. Практика». Открыл конференцию временно исполняющий обязанности начальника института полковник полиции Александр Владимирович Буховец. С приветственным словом выступили: Корицкая Вера Васильевна, заместитель декана юридического факультета Тихоокеанского государственного университета и подполковник полиции Оглезнева Татьяна Николаевна, заместитель начальника научно-исследовательского отдела.

В работе конференции приняли участие преподаватели кафедр и Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России; студенты и курсанты вузов г. Хабаровска (Тихоокеанский государственный университет, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия, Хабаровская государственная академия экономики и права, Хабаровский пограничный институт ФСБ России, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровская духовная семинария), практические работники ОВД.

29-30 мая 2014 г. в Дальневосточном юридическом институте МВД России была проведена международная научно-практическая конференция «Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе».

С приветственным словом выступили заместитель начальника института (по учебной работе) кандидат педагогических наук, профессор полковник полиции Кшевин Владимир Станиславович, и помощник начальника института по международному сотрудничеству Шлома Владимир Анатольевич.

На пленарном заседании с научными докладами выступили: Ищенко Евгений Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина); Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор (Бурятский государственный университет); Шабельникова Наталья Алексеевна, доктор исторических наук, профессор (Владивостокский филиал ДВЮИ МВД России); Тулиглович Максим Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент (ДВЮИ МВД России); Шиенкова Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент (Краснодарский университет МВД России); Гелюс Татьяна Феликсовна, кандидат юридических наук, доцент (филиал Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по Дальневосточному федеральному округу).

К началу работы конференции был издан сборник материалов присланных из Хэйлунцзянского института профессиональной подготовки офицеров МОБ КНР; Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина; Краснодарского университета МВД России; Академии управления МВД России; ВНИИ МВД России; филиала ВНИИ МВД России по ДФО; Иркутского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации; Хабаровского краевого суда; Хабаровской государственной академии экономики и права; Дальневосточного государственного университета путей сообщения; пятого факультета повышения квалификации Института повышения квалификации Академии Следственного комитета России.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат».

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

Цель аннотации – кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman» размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено на сайте института www.dvui.ru). Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала.

12. Плата за опубликование статей не взимается.

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.